UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01271281 6

Библіотеки 3-го Воен. Александров. Училища
D 2
VII 20

2
VII 20

Purchased for the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
from the
KATHLEEN MADILL BEQUEST

N1011

БИБЛИОТЕКА
[illegible]

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАННЫЯ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія *Думы*.
КНИГА II. Пѣсни Козацкія *былевыя*.
КНИГА III. Пѣсни Козацкія *бытовыя*.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марта 23 го дня 1854 года.

Ординарный Профессоръ, Ценсоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

PG
3926
M353
ch. 1

(Цѣна 3 руб.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Наступило, кажется, то время, когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной Поэзіи, которая началась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная."

Этими словами начинается мое Предисловіе къ Сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 150 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ тамъ высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое Собраніе: и оно теперь простирается уже до $2\frac{1}{2}$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и со-временемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неистощимый. Настоящимъ богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ Князя *Н. Н. Цертелева* — перваго издате-

ля Украинскихъ Думъ, *Н. В. Гоголя* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Бодянскаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того я пріобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *З. Я. Ходаковскаго*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ пяти и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ представить очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей Первую Часть моего новаго Собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *Думы* Украинскихъ бандуристовъ и *пѣсни собственно-Козацкія*, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовитаго; первыя изъ нихъ я называю *былевыми*, вторыя *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вмѣстѣ живые свидѣтели отжитой старины. Другіе народы въ память важныхъ происшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ Исторія часто разгады-

ваетъ минувшее: событія Козацкой жизни отливались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную Лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II й части будутъ помѣщены *пѣсни женскія* — отголоски души страстной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ Козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III й части собраны *пѣсни гулливыя*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и затѣйливое расположеніе души, разгулъ, каррикатура и т. п.

Въ IV й части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ бо́льшею придуманностію, то восходящею до символической восторженности, то облекающеюся въ прелесть идиллическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой Поэзіи народа. Благоуханные вѣчносвѣжіе цвѣты ея проростаютъ сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ пояснительныя замѣчанія къ Думамъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ ста-

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хотѣлъ-было въ сей части изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ пѣсенъ, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ отложить это впредь, поспѣшая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно Отечественной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, ка́къ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находятся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Краткая Грамматика Малороссійскаго языка у насъ издана *Г. Павловскимъ* 1818. Въ 3 No Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ Грамматикъ Г-дами *Левицкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ пѣсенъ, коего однакожъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: бо́льшая часть Галицкихъ пѣсенъ не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже однѣ и тѣже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) *П. В. Кирѣевскій* собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязанъ я многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

Малороссіянъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ *списки* Украинскихъ пѣсенъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ поются въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ, лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ, а кто можетъ, то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того, что̀ умѣютъ вполнѣ *пропѣть*. Всякая пѣсня, *какого бы ни была содержанія*, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ пѣсенъ, поэтическія не менѣе словъ ихъ, составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая 25 пѣсенъ, (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ*, уже вышла въ свѣтъ.

М. М.

Москва, 21 Мая.

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ, встрѣчающихся въ Украйнѣ, кстати замѣчу: 1) что напѣвъ *Веснянки* (No 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни; 2) напѣвъ извѣстной пѣсни *Антонъ козу веде*, существуетъ у Нагайскихъ Татаръ, которые подъ него пляшутъ или лучше сказать толкутся на одномъ мѣстѣ, сцѣпившись въ длинную вереницу.

ЗАМѢЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВОПРОИЗНОШЕНІИ (*).

I) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ есть І, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: мои, твои; 2) *мягкое*, болѣе гортанное, склоняющееся къ звуку Э. (*Твердаго* Великорусскаго Ы въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.)

Буква И *послѣ гласныхъ* и буква Ѣ всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часто произносятся и прочія гласныя буквы, и въ такомъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (*паеркомъ* ^) — â, ê, и̂, î, ô, ŷ.

(*) Употребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я старался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласивъ оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ принято: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне читаютъ сообразно своему выговору природному; 2) употребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажется слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними отчасти согласенъ въ этомъ, и думаю, что для домашняго обихода простѣе *Слобожанскій* способъ писанія, по

Въ остальныхъ случаяхъ буквы Ы, І, И (не означенныя *паеркомъ*) произносятся какъ *мягкое* І.

Примѣры: мы ходили битыми шляхами; якій ты милый: въ этихъ словахъ вездѣ одно *мягкое* І. (по Слобожанской методѣ писанія: мы ходылы бытымы шляхамы.) — Мôй кôньнêсъ вôдсêль край дороги мêжъ камêньями; ûхъ конû дорогіи; дѣвка пôшла за-мýжъ, слêзми обливается; у сына синîй нôсъ. (по Слобожанской методѣ должно бы писать: мій кинь нисъ видсиль крій дорогы мижъ каминьнямы; ихъ дивка пишла за-мижъ, слизмы облываецьця; у сына сыній нисъ.)

которому, отбросивъ всякое словопроизведеніе, стараются писать, слѣдуя только одному выговору: такъ на примѣръ, отбросивъ букву Ѣ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія остраго І употребляютъ только И, І, а для мягкаго — Ы; пишутъ гнуцьця, облываецьця и т. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писать *малако, кажетца, майо, святова* — но это не есть *правописаніе*, и въ Грамматикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надобно сказать и то, что правописаніе есть такой предметъ, по которому не бываетъ полнаго соглашенія и въ самыхъ образованныхъ литтературахъ, и мѣлкія оттѣнки онаго болѣе или менѣе составляютъ особенность писателей. Тѣмъ менѣе могло существовать единогласіе въ правописаніи Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже выводить что-либо похожее на общее мнѣніе, по большинству случаевъ: то, сличая старинныя письмена и множество

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро;* послѣ согласныхъ выговаривается *твердо;* и тогда только выговаривается какъ *іо*, когда пишется съ двумя точками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Латинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапникъ, гей, гострый; въ немногихъ словахъ, кажется только иностранныхъ, Г выговаривается какъ Латинское g, и въ такимъ случаяхъ можно писать КГ, либо отмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсенъ, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (большею частію не заботившихся объ искуственной и какой-либо опредѣленной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Котляревскаго, въ которомъ и буква Ѣ удержана, и буква Ы употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно ставится по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) отмѣтку паеркомъ буквъ и̂, і̂, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ о̂, е̂, а̂, у̂, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ острое і̂. Ставьте вмѣсто нихъ букву И, отбросьте паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Котляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Грамматикѣ моей, въ дополненіе къ тому, что̀ сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

IV) Буква В не выговаривается какъ *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое Ў, обращаясь иногда и въ длинное У — (в с ѣ, у с ѣ; в з я в ъ, у з я в ъ; в с л ѣ д ъ, у с л ѣ д ъ; в ъ л ѣ с ѣ, у л ѣ с ѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (у ж é, в ж е; у ё г о, в ъ ё г о; у м и р а ю, в м и р а ю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): в ô н ъ, в о н á, в о н ó, в ô в с а, в ô в ц я, в ъ в ô ч и̂ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: п о в н ы й п о в к ъ, в о в к ъ, ж о в т ы й. Такимъ образомъ окончанiе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто *лъ̆*, всегда имѣетъ *въ̆* (ходи*въ̆*, гуля*въ̆*).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повторяются, напримѣръ: *зѣлья*, з ѣ л ь л я; *коханья*, к о х а н ь н я; въ слогѣ МЯ слышно послѣ М не только Ь, но часто Н; напримѣръ: и м *ь н я*, в р е м *н я*, п а м *н я* т ь. Глагольное окончанiе *тся* или *ться*, выговаривается *цця* или *цьця*; да и вообще *тс* выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончанiи о в а т и, въ словахъ: табуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговорѣ, подобно тому какъ И сокращается въ Й — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять о̆, что и будетъ ъ̆, прежде употреблявшiйся въ срединѣ словѣ (в ъ̆ л к ъ).

VII) Частица *да* выговаривается *та*.

ПОПРАВКИ.

Въ сію часть вкралось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почитаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія:

Въ книгѣ первой.

Стр. 21 стихъ 1. Украйнѣ — *чит.* Украйнѣ.
— 33 сизые орлы — *чит.* быстрые орлы.
— — стенью розлеглась — *чит.* степью разлеглась.
— 56 внизу, Вмѣсто: Надôлокъ — заступъ? кажется должно поставить: надѣлокъ — ножны?
— 57 стихъ 5. питала — *чит.* пытала.

Въ книгѣ второй.

— 67 —— 1340 г. два раза ошибкою поставленъ вмѣсто 1320.
— 68 —— Дума X — *чит.* Дума IX.
— 74 —— Пѣсни о *Морозенкѣ* должно перенести въ третій отдѣлъ; ибо онъ былъ современникъ Дорошенка (по замѣчанію Г. Евецкаго, полученному мною отъ Г. Срезневскаго).
— 111 стр. 10. 32 пѣсня относится къ 1731 (1761 явная опечатка).
— 115 Внизу опечатка: рапоръ *чит.* Прапоръ.
— 126 Землею Донскою *чит.* Землю Донскую.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщія пърсты на живая струны въскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокотаху!

Пѣснь Игорю.

А. — *Думы* суть пѣснопѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Отъ *пѣсень* отличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ тоническихъ стопъ, хотя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поэзіи) онѣ вдаются въ пѣсню: тогда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда риѳмованные. Содержаніе ихъ большею частію историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 Думъ подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько Думъ Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Старинѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовалъ я Думу 5 и 6 во второмъ отдѣлѣ, а въ ней читатели найдутъ двѣ любопытныя Думы, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Баторія* и *смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о походѣ Серпяги* (И. Подковы).

Я слышалъ, что у Бандуристовъ есть большая Дума, въ которой воспѣвается *Дашковичь*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандуристовъ сохранились Думы и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича - Сагайдачнаго*, *Тараса*, *Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію стариковъ - Бандуристовъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДО-УНІЯТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію польяна — тугою взыдоша по Руськой землѣ. . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — **Сѣчью** называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій таборъ или *кошъ*, по имени коего и начальникъ Сѣчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Сѣчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хортицѣ или Хортищѣ, находящемся за Порогами близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Сѣчи* таже что и *Засѣки*.

В. — Сѣчь дѣлилась на части, называемыя **куренями**, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *курени* или *холивы* состояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Баторіѣ Украйна раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или сотеннымъ городомъ), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ такого собирательнаго значенія, *Куренемъ* въ Украйнѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ тростника (очерета), либо орѣшника крытаго соломой, дѣланный для лѣтняго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*) *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка торговая. Въ Игоревой пѣсни упоминается о *кўряхъ* Тмутараканя (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *кўрею* называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Кошоваго и Куренныхъ Атамановъ въ Сѣчи были еще старшины: *Войсковой Судья*, *Войсковой Писарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вечѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частныя Рады *(до Куреня)*.

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ѲЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Атаманъ, можетъ быть, есть тотъ самый Безродный (Ѳома), который былъ Войсковымъ Писаремъ при отважномъ Гетьманѣ Богданкѣ (1576).

По-надъ сагóю (1) Днѣпровóю
Молодыи козáкъ обѣдъ обѣдáе; не дýмае, не гадáе,
Щo на ёго молодóго, щé й на чýру (2) малóго бѣдá настигáе.
То не вéрбы луговыи зашумѣли . . .
Якъ безбóжны ушкалы́ (3) налетѣли,
Хвéдора Безрóдного, Отáмана Курêнного,
Постреляли, порубáли — тôльки чýры не поймáли.
То малыи чýра до козакá прибувáе (4),

(1) Сагá — заливъ. Болóньемъ называется собст. лугъ, лугомъ же назывался лѣсъ, покрывающій низменныя мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ того *лугъ* называется въ пѣсняхъ *темнымъ*, – часто говорится о *шумѣ* луга. Отъ пороговъ за Днѣпромъ идетъ *великій лугъ*, и у Запорожцевъ *(Лугарей)* была пословица: *Сѣчь мати, а великій лугъ батько.* (2) Чýра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы́ — разбойники. Не суть-ли это Русскіе *ушкуйники*, разъѣзжавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкуями.* (4) Прибувáти — прибывать, приходить. Бýти — быть.

Ра́ны ёму́ глыбо́кіи промыва́е. То коза́къ ёму про-
мовля́е (5):

„Чу́ро мо̂й, чу́ро! Ве́рный слу́го!
По̂йди́ ты степо́мъ по-надъ Днѣпро́мъ.
Послу́хай (6) ты, чу́ро: чи (7) то гу́сы крича́ть,
чи ле́беди̂ ячя́ть,
Чи ушкалы́ гуду́ть, чи мо́же (8) козаки́ Днѣпро́мъ
иду́ть?
Коли́ гу́сы крича́ть, або́ ле́беди̂ ячя́ть — то
жени́ (9);
Коли́ ушкалы́ гуду́ть — мене́ зхорони́;
Коли́-жъ козаки́ иду́ть — то объяви́,
Нехай́ воны́ човны́ до бе́рега приверта́ють,
Мене́ Хве́дора Безро̂дного навѣщають.“ —
То чу́ра малы́й по бе́регу пробѣга́въ,
Козако̂въ забача́въ (10), ша́пкою маха́въ, слова́ми
промовля́въ:
— Пано́ве-молодці̂! до́бре вы дба́йте (11),
Човны́ приверта́йте, до Ота́мана Куре̂нного поспѣ-
ша́йте!
То козаки́ тее зачува́ли (12),
До бе́рега приверта́ли, Ота́мана навѣща́ли.

(5) Промовля́ти — говорить, промолвить. Мовъ — слово. Мо́ва — рѣчь. (6) Слу́хати — слушать. (7) Чи — ли, ставится въ началѣ слова. (8) Мо́же — можетъ быть; ма́буть — видно, знать. (9) Жену́, гна́ти — гоню, гнать. (10) Забача́ти — савидѣть; ба́чу — вижу; ба́читься — кажется, сдаётся. (11) Дба́ти — здѣсь знач. поступать; чаще употребл. вм. пріобрѣтать; до́бре — хорошо. (12) Чу́ти — слышать.

Тогдй козáкъ чýру выхваляе, словáми промовляе:
„Чýро мôй, чýро! вѣрный слýго!
Колú ты бýдешь вѣрно пробувáти,
Бýдуть тебé козакú поважáти!“
То тее промовлявъ, опрощéнье зо всѣми бравъ,
Милосéрдому Бóгу дýшу отдáвъ. —
Тогдй козакú шáблями суходôлъ (13) копáли,
Шáпками, припóлами (14) пéрсть выймáли,
Хвéдора Безрôдного ховáли,
Въ семипьяднй пищáлй гремáли,
У сурéмки (15) жалôбно выхваляли:
То ще дóбре козáцька головá знáла,
Що безъ вôйська козáцького не вмйрáла!

ПЕРЕВОДЪ.

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козакъ обѣдаетъ обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаетъ, что его молодаго, и его малаго чуру бѣда настигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли... безбожные разбойники налетѣли; *Θедора Безроднаго* Куреннаго Атамана постреляли, порубили, только не поймали его чуры.

Вотъ мáлый чура приходитъ къ козаку, промываетъ ему глубокія раны.

Молвитъ ему козакъ: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! Пойди ты степью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура:

(13) Суходôлъ — земля сухая. (14) Припóлы — концы полъ. (15) Сурмá и Сурéмка — труба, Сурмáчъ — трубачь. Сурмúти — трубить.

гуси-ль то кричатъ, ячатъ-ли то лебеди, разбойники-ль гулятъ, или можетъ, козаки Днѣпромъ идутъ? Коли кричатъ гуси или ячатъ (*) лебеди, то сгони; коли разбойники гулятъ, схорони меня; коли жь козаки идутъ, то скажи, пусть они челноки свои приворачиваютъ къ берегу и навѣстятъ меня козака Ѳедора Безроднаго.

Вотъ, малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ козаковъ, машетъ шапкою, говоритъ словами: Паны-молодцы! сдѣлайте доброе дѣло, приворачивайте челноки, поспѣшайте къ Атаману Куренному.

Козаки то услышали, къ берегу причаливали, Атамана навѣстили.

Хвалитъ козакъ чуру и говоритъ такія слова: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! коли ты будешь вѣрно жить, будутъ тебя козаки чтить.“ —

Такъ говорилъ онъ, со всѣми прощался, милосердому Богу отдалъ душу.

Тогда козаки саблями копали суходолъ, выгребали землю шапками и приполами, хоронили Ѳедора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей, и жалобно выхваляли его въ трубы: дѣло козацкая голова знала, что безъ войска козацкаго не умирала!

(*) Ячáть — говорится про крикъ лебедей, который въ Русскомъ языкѣ кажется, не выражается особымъ словомъ. Кукушка (*зозуля*) — куéтъ; воронъ — крякчетъ, груéтъ (въ Пѣс. Игор. *граетъ*); кречетъ — кýркуетъ и проч.

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Муравскій шляхъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой сѣчи* (остр. Хортицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть *могила* (курганъ) *Саворъ*, о которой упоминается и въ пѣснѣ *о Морозѣнкѣ* (кн. II No 6). —

Въ думѣ сей къ списку Кн. Цертелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ го́рода изъ Азо́ва не вели́кіи тума́ны вставали,
Три бра́та ро̂дне́нькихъ зъ тяжкои нево́лѝ втекали (16).
Два ко̂нныхъ; третій пѣшій за ни́ми по̂дбѣгáе,
На сыре́ коре̂нья, на бѣле каме̂нья
Но̂жки свои козацькіи посѣкáе, кро̂вью слѣды заливáе,
До ко̂нныхъ брато̂въ добѣгáе, слова́ми промовляе.

(16) Утекати — убѣгать, уходить.

„Стáньте вы, брáтця! кóней попасѣте, менé пôдождѣте,
Зъ собóю вôзьмѣте, до городôвъ хрестянськихъ пôдвезѣте.“
То середýльшій (17) тее зачувáвъ, стáршого пытáвъ;
То стáршій ёмý словáми промовля́въ:
– Чи щé-жъ тобѣ́ не далáся тя́жкая невóля знáти?...
Якъ бýдемъ мы брáта дожидáти,
Бýде насъ погóнь доганя́ти, бýде насъ стреля́ти, рубáти,
Абó (18) въ тя́жкôй робóтѣ бýдемъ пропадáти. —
„Коли-жъ мене́, брáтця, не хóчете ждáти —
Ставъ мéньшій промовля́ти —
То прошý васъ, брáтця: на прáву стóрону звертáйте,
Шáблѝ изъ пôхвъ (19) вынѝмайте, тѣ́ло моé порубáйте,
Въ чúстôмъ степý поховáйте (20),
Звѣ́рю да птúцѣ на потáлу (21) не дáйте!“ —
То середýльшій тее зачувáвъ,
Словáми промовля́въ:
— Сёгó, брáте, изъ-рóду нѝгдé не чувáли,
Щобъ рôдною крóвью шáблѝ обмывáли,
Абó гóстрымъ спúсомъ (22) опрощéнье брáли. —

(17) Середýльшій или середýщій — средній. (18) Абó — либо. (19) Пôхва — ножны. (20) Ховáти — хоронить, прятать. (21) Потáла — покормка. (22) Списъ — копье, пика. Гóстрый — острый.

„Коли́-жъ не хо́чете, бра́тця, мене́ руба́ти,
То прошу́ васъ, бра́тця, якъ бу́дете до байра́-
ко̂въ прибува́ти,
Терно́ви̂ вѣтки въ запо̂лье (23) руба́йте,
Мене́ признаку покида́йте!“ —
То вже́ два казаки́ въ байраки́ въѣзжа́е;
Середу́льшій бра́тъ милосе́рдіе ма́е:
Верховѣ́тья у терно̂въ зтина́е (23′),
Ме́ньшому бра́ту примѣ́ту покида́е.
А якъ ста́ли на Мура́вській шляхъ выѣзжа́ти,
Нѣ́чѣмъ ёму́ призна́ко̂въ покида́ти;
Во̂нъ черво́ну (24) кита́йку зъ-по̂дъ жупа́на (25)
выдира́е,
По шляху́ розкида́е, ме́ньшому бра́ту примѣ́ту
зоста́вляе.
То якъ ста́въ пѣшехо́дець зъ терно̂въ выходи́ти,
Ста́въ черво́ну кита́йку находи́ти:
У ру́ки хвата́е, дро̂бными слёза́ми облива́е.
„Не-ду́рно (26), промовля́е, черво́на кита́йка по шля́-
ху валя́е,
Ма́буть (27) моихъ брато̂въ на свѣтѣ нема́е!...
Ма́буть за ни́ми зъ го́рода Азо́ва пого́ня встава́ла,
Мене́ въ терна́хъ на спочи́вѣ (28) мина́ла,
Брато̂въ моихъ доганя́ла, стреля́ла, руба́ла!

(23) Запо̂лье – завороты полъ. (23′) – сѣкаетъ. (24) Черво́ный – красный (чермный). Червонная китайка весьма часто упоминается. (25) Жупа́нъ – кафтанъ. (26) Недýрно, неда́рма — не даромъ. (27) Ма́буть — можетъ быть, видно. (28) Спочи́въ, опочи́вка, — отдыхъ, сонъ.

Колибъ мене́ Бо̂гъ
Милосе́рдый помо̂гъ
Тѣло коза́цьке находи́ти,
Въ чи́сто̂мъ степу́ хорони́ти!" —
Що одно́ безво̂дье, дру́ге безхлѣбье,
Тре́тье бу́йный вѣтеръ въ по́лѣ повѣва́е,
Бѣдного коза́ка́ зъ но̂гъ валя́е . . .
— „Ой го́дѣ-жъ менѣ за ко̂нными брата́ми уганя́ти,
Часъ менѣ козацькимъ нога́мъ по̂льгу (29) да́ти!"
То тѣе промовля́въ, до Са́воръ-моги́лы прибува́въ,
По̂дъ Са́воръ-моги́лою спочива́въ.
Въ той ча́съ си́зы орлы́ налѣта́ли,
Пи́льно (30) въ о́чи̂ козако́ви̂ загляда́ли.
Коза́къ тѣе забача́е,
Слова́ми промовля́:
„Орлы́ сизо-пѣры,
Го́сти̂ мои ми́лы!
Прошу́ я васъ тогди̂ налѣта́ти,
Зъ ло́бу о́чи̂ менѣ высмыка́ти (31),
Якъ не бу́ду я свѣта Бо́жого вида́ти. . ."
То тѣе промовля́въ,
За ча́съ, за годи́ну милосе́рдому Бо́гу ду́шу одда́въ.
Тогди̂ орлы́ налѣта́ли, зъ ло́бу о́чи̂ высмыка́ли,
Тогди̂ ще й дро̂бна птиця налѣта́ла,
Коло жо́втои ко́сти̂ тѣло оббира́ла.
Вовки-сѣрома́ньци̂ (31') набѣга́ли, тѣло коза́цьке
ръва́ли,

(29) По̂льга — льгота (польза! такъ вм. *нельзя*, говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *нельга́*). (30) Пи́льно, спи́льна́ — пристально; пильнова́ти — прилѣжать. (31) Смы́кати — дергать. (31') Вовкъ сѣрома́нецъ — волкъ-сѣрякъ.

По тéрнахъ, по бáлкахъ жóвту кóсть жвакова-
ли (32),
Жалôбненько квúлили, проквиляли (33):
Тó жъ воны́ козáцькіи похорóны одправляли!
Дé-ся взялáсь сúза зозýленька,
Въ головкахъ сѣдáла, жалôбно кувáла;
Якъ сестрá брáта, абó мáти сына оплакáла. —
Стáли кôнны браты́ до городôвъ хрестянсь-
кихъ дохожáти,
Стáла къ ихъ сердцáмъ велúка тýга налягáти.
То середýльшій братъ до стáршого брáта словá-
ми промовляе:
„Не-дýрно къ нáшимъ сердцáмъ велúка тýга на-
лягáе:
„Мáбуть нáшого брáта живóго на свѣтѣ немáе!
„Якъ бýдемо, брáте, до отцá й мáтерû при-
бувáти?
„Якъ бýдуть воны́ насъ пытáти, що щó стá-
немо казáти?
То стáршій братъ тéе зачувáе,
До середýльшого словáми промовляе:
„Скáжемъ: не въ одногó пáна въ невóлѣ бувáли,
Нôчнои дóбы (33') зъ невóлû втêкáли,
Егó сóнного будúли не збудúли,
Тамъ ёгó въ невóлѣ й зостановúли!"
То середýльшій братъ тéе зачувáе,

(32) Жвакова́ти — жрать, жвакать. (33) Квúлити, проквиля́ти — выть, завывать. (33') Ночною порою. Дóба — пора, время.

До ста́ршого бра́та слова́ми промовля́е:
„Якъ не бу́демъ отцю́ й ма́тері пра́вды каза́ти,
То бу́де насъ отце́вська й матери́ньска моли́тва
кара́ти. —
Тоді ста́рші браты́ на поля́ Сама́рські выѣзжа́ють,
Надъ рѣчкою Сама́рською опочи́вку собѣ́ ма́ють,
Ко́ней попаса́ють.
Въ той ча́съ безбо́жныи бусурма́ны набѣга́ли —
И ты́хъ двухъ бра́тôвъ поруба́ли,
Тѣ́ло коза́цьке карбова́ли (34),
Въ чи́стôмъ по́лѣ розкида́ли,
Го́ловы на ша́блі вздыйма́ли, до́вго глумова́ли!

Дума третья.

Черноморская буря.

Въ Цертелевскомъ спискѣ сей Думы атаманъ Запарожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпигоцкаго *Грицькомъ Коломыйченкомъ*: кто онъ такой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексѣя Поповича* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было уже послѣ Богданка. — Островъ *Тентревъ* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, противъ Кинбурнской косы.

---

(34) Карбова́ти — нарубать, рубить, — оттуда карбо́ванець — цѣлковой рубль (съ насѣчками вокругъ).

На Чо́рному мо́рѣ на бѣ́лому ка́мнѣ
Ясне́нькій со́ко̂лъ жало̂бно квилить, проквиля́е,
Сму́тно себе́ ма́е, на Чо́рнее мо́ре спі̂льна́ погляда́е.
Що на Чо́рному мо́рю недо́бре ся-почина́е,
Що на не́бѣ усѣ́ звѣ́зды пошмари́ло (35),
Половину мѣ́сяца въ хма́ры (36) вступи́ло.
А изъ низу бу́йный вѣ́теръ повѣва́е,
А по Чо́рному мо́рю супроти́вна хви́ля (37) встава́е,
Су́дна коза́цькі̂ на три ча́сті̂ розбива́е.
Одну́ часть взяло́ — въ зе́млю Ага́рську занесло́,
Дру́гу часть го̂рло (38) Дуна́йське поже́рло (39),
А тре́тя—где́ ся-ма́е? — въ Чо́рному мо́рю потопа́е.
При то̂й ча́сті̂ бувъ Грицько́ Зборо́вській
Ота́манъ коза́цькій Запоро́зській,
Той по су́дну похожа́е, слова́ми промовля́е:
„Хто-сь мѣ̂жъ на́ми, пано́ве, вели́кій грѣхъ на собѣ́ ма́е!
Що-сь ду́же зла́я хуртови́на (40) на насъ наляга́е.
Сповѣда́йтесь, пано́ве, милосе́рдому Бо́гу,
Чо́рному мо́рю, и менѣ́ Ота́ману Кошово́му;
Въ Чо́рнее мо́ре впаде́те,
Во̂йска коза́цького не губе́те!“
То коза́ки тее зачува́ли, усѣ́ замовча́ли,
Бо въ грѣха́хъ себе́ не знава́ли.
То̂льки обо̂зва́вся Писарь Во̂йсько́вый, коза́къ лестро́вый,

(35) Пошма́рити — помрачить. (36) Хма́ра — туча. (37) Хви́ля — волна. (38) Го̂рло, — устье. (39) Поже́рло — пожрало. (40) Хуртови́на — напасть, буря.

Пирятиньскій, поповичъ Олексѣй:
„Добре вы, братця, вчинѣте (41), мене самого, вôзьмѣте,
„Менѣ чорною китайкою очӣ завяжѣте,
„До шіи бѣлый камѣнь причепѣте (42),
„Да й у Чорнее море зôпхнѣте!
„Нехай буду одинъ погибати,
„Козацького вôйська не збавляти!"
То козаки тее зачували, до Олексѣя Поповича промовляли:
„Ты-жъ святее письмо въ руки берешъ, читаешъ,
„Насъ простыхъ людей на все добре наставляешъ,
„Якъ-же найбôльше одъ насъ на собѣ грѣхôвъ маешь?
— Хоча святее письмо я читаю,
Васъ простыхъ людей на все добре наставляю,
А я все самъ недобре починаю.
Якъ я изъ города зъ Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрощенья зъ пан-отцемъ и зъ панӣ-маткою не бравъ,
И на своего старшого брата великій гнѣвъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдôвъ хлѣба-й-соли безневинно збавлявъ (43),
Дѣти малыи, вдовы старыи стремнямъ въ грудитовкавъ,

(41) Чиню, чинити — дѣлаю. (42) Причепити — прицѣпить; чепъ, ланцюгъ — цѣпь. (43) Збавляти — лишать, убавлять.

Безпе́чне по у́лицямъ коне́мъ гуля́въ,
Проти́въ це́ркви, до́му Бо́жого проѣзжа́въ,
Ша́пки зъ себе́ не знймаѵъ, хреста́ на се́бе не кла́въ.
За те́ я, пано́ве, вели́кій грѣхъ ма́ю, тепе́ръ погиба́ю!
Не е́сть се, пано́ве, по Чо́рному мо́рю хви́ля встава́е,
А е́сть се — мене́ отце́вська й матери́нська моли́тва кара́е!
Коли́бъ мене́ ся́я хуртови́на зла́я въ мо́рѣ не втопи́ла,
Одъ сме́ртй моли́тва борони́ла:
То зна́въ бы я отця́ й ма́теръ шанова́ти, поважа́ти,
То зна́въ бы я ста́ршого бра́та за ро̂дного отця́ почита́ти,
И сестру́ ро̂дне́ньку за не́ньку (44) у се́бе ма́ти!" —
То якъ ста́въ попо́вичъ Олексій грѣхи́ свои́ сповѣда́ти,
То ста́ла зла́я хуртови́на по Чо́рному мо́рю стиха́ти,
Су́дна коза́цькй до-горы́ (44') якъ рука́ми по̂до̂йма́ла,
До Те́нтрева о́строва прибива́ла.
То всѣ тогдй козаки́ ди́вомъ дивова́ли,
Що по яко́му Чо́рному мо́рю, по бы́строи хви́лѣ попопа́ли,
А нй, одного́ козака́ зъ-межы́ во̂йська не втеря́ли! —
Отъ-же тогдй Олексѣй Попо́вичъ изъ су́дна выхожа́е,
Бере́ свяще́е письмо́ въ ру́ки, чита́е,
Усѣхъ про́стыхъ люде́й на все до́бре научае, до коза̂ко̂въ промовля́е:

(44) Не́ня, не́нька — родимая, матушка. (44') До-горы́ — вверхъ.

„От-тымъ-бы то, панове, треба людей поважати,
„Пан-отця й пані-матку добре шановати;
„Бо который чоловѣкъ тее уробляе (45),
„Повѣкъ той счастье собѣ мае,
„Смертельный мечъ того минае:
„Отцёва й матчина молитва зô дна моря выймае,
„Одъ грѣхôвъ смертельныхъ душу одкупляе,
„На полѣ й на морѣ на помôчъ помагае!

---

(45) Роблю, робити — дѣлаю, дѣлать.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Уже́ бо, братіе, не веселая година встала: встала обида въ силахъ Дажь-божа внука ... Ваю храбрая сердца́ ъъ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ бу́ести закалена ... Мужаимъся сами! преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ . . . А чи диво ся, братіе, ста́ру помолодѣти? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!
. . . Луце-жъ бы потяту быти, неже полонену быти!

Пѣснь Игорю.

Д. — **гетьманщиною** называлась Украйна отъ своихъ вождей, кои именовались **гетьманами**, по примѣру вождей Литовскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедиманами*, вѣроятно по имени славнаго *Гедимина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла*, *Carolus*; *Цесарь* отъ великаго *Цезаря*; *Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время отлучки Гетьмана изъ Резиденціи поставлялся въ Украйнѣ **наказный гетьманъ**; а въ отсутствіе съ поля битвы, власть его принималъ **гетьманъ напольный**.

Е. — **московщиною** называлась Великая Россія, Московія; **шведчиною** Швеція; **волощиною** Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ **туретчина**, **татарщина**; **бѣлгоро́дщиною** называлась Татарская сторона между Днѣпромъ и Днѣстромъ; **полѣсьемъ** — Бѣлостокская область; **подольемъ** — Подолія; **покутьемъ** — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія относится къ 1596 году, когда Гетьманъ *Павелъ Наливайко* разбилъ Жолкевскаго при Чигринѣ. По Лѣтописямъ, на трехъ крестахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Каневомъ козацкіе старшины: *Богунъ*, *Сутичъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Сомино*), и *Войновичъ;* а Наливайко выставилъ такую надпись: *Миръ Христіянству, а на зачинщика Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашôй у славнôй Украйнѣ
Бували коли-сь (46) престрашныи злыгоднї, безъдольнї годины;
Бували й моры й войсковї чвары; (47)
Нїхто Вкрайнцѣвъ не ряшовавъ; (48)
Нїхто за їхъ Боговї молитвъ не посылавъ;
Тôльки Святый Богъ нашихъ не забувавъ,
На великї зусилья, на вôдповѣдья державъ.
Тôлькї Богъ святый знавъ, що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украйнську землю посылавъ.
Отъ-же й пройшли, изойшли злыи незгодины:
Немае нїкого, що-бъ насъ подолѣли!
Тôльки Богъ Святый знавъ
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ . . .

(46) Когда-то. (47) Чвара — гроза. (48) Ряшовати, ратовати — избавлять, спасать.

Не де́нь и не два́ Ляхи́ Украйну плі́ндрова́ли,
Ни на часиночку одпочи́нья не ма́ли,
Ко́ней на-взаводахъ день и но̂чь держа́ли,
До Ге́тьмана Нали́ва́йка доро́гу верста́ли.
А Гетьма́нъ хоро́брый Наливайко — що́ во̂нъ ду́мае
гада́е?
Що́ во̂нъ за до́лю товари́што̂въ своихъ замышля́е?
То̂льки Богъ Святый зна́е, що ёму́ на по́мо̂чь
помага́е!...
Изъ-за горы́ хма́ра выступа́е — выступа́е, выхожа́е,
До Чигрина́ гро́момъ вигре̂мля́е,
На Украинську зе́млю блискавкою бли́ска́е.
То Поляки́ че́резъ три рѣки́ три перехо́ды ма́ли,
Да й би́ля́ тре́тёго перехо́ду ста́номъ ста́ли;
Пусти́ли ко́ней на попаса́нье,
Сами́ собѣ́ дали́ на три годи́ны одпочива́нье. —
А що́ Ге́тьманъ Налива́йко ду́мае, гада́е?
Що во̂нъ на незго́ду Ляхо̂въ замышля́е?
То̂льки Бо́гъ тее зна́е, що ёму́ на по́мо̂чь помага́е! —
То не хма́ры по не́бу гро́момъ святы́мъ выгре̂м-
ля́ють,
То не святы́хъ воны́ до Бо́га провожа́ють:
То Ляхи́ у бу́бны вдаря́ють,
У свисте̂лки да у тру́бы выграва́ють,
Усе́ во̂йсько свое́ до-ку́пы у грома́ду склика́ють,
Що-бъ ишли́ усѣ́ до грома́ды на послуха́нье,
Слу́хати Ге́тьмана Жовко́вського одповѣда́нье.
Отъ-то й пріи́шли́ усѣ́, ря́домъ ста́ли,
Усѣ́ ря́домъ ста́ли, да й замовча́ли,
Гетьма́нське отповѣ́данье слуха́ти зача́ли;
А послу́хавши, ко́ней сѣдла́ли,

Через Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали:
Мосты мостили, греблѣ гатили, колья забивали,
Горзину да дряницю клали,
Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;
А, перейшовши, огороды да шанцѣ робили,
У-въ окрѣпъ гарматы (50) становили,
А по-передъ гарматами три хресты вколотили.
А що первый хрестъ, то Сомино виситъ —
Сомино виситъ, барзо голоситъ;
А що другій хрестъ, Богунъ виситъ —
Богунъ виситъ, шаблюкою лопотитъ;
А що третій хрестъ, то порожній стоитъ,
Усѣхъ инших козаковъ до себе поджидае, —
Козаковъ поджидае, козаковъ оглядае:
Хто первый подойде, того гармата убье;
Хто другій добѣжитъ, того самопалъ (51) цапне;
Хто третій подлетитъ, той хреститься буде, —
Хреститься буде, й молиться стане;
Що хрестъ зъ осоки — то его надбане! . . .

А козаки глядѣли, у очѣ вбачали,
Про-мѣжъ себе бурковали, раховали,
Три корогвы на забаченье Ляхамъ становили,
На корогвахъ уговоръ - рядну писали:
„Вѣрному православному Христіянству миромъ миръ;
А Ляхамъ-ворогамъ некельный пиръ.
Въ кого хрестъ — на того й Хрестъ!“ —

Отъ-се-жъ и пойшли наши на чотырѣ поля
Що на чотыри поля, а на пятее на Подолье;

(50) Гармата — пушка. (51) Самопалъ — ружье.

Ляхôвъ на всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ колотили;
Ляхи опрощенья просили, да не допросились:
Не таковськи козаки, що-бъ опрощенье дали,
Не таковськи й Ляхи, що-бъ напасть забули!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про-мêжъ святыхъ чувала;
Що вона кувала, тому й бути-стати, —
Якъ станутъ бѣсы правыхъ й неправыхъ êднати,
Души забирати, у пекло до-купы складати.
Вôдъ того й сего, одъ иного чого Боже намъ поможе.
Про те вôнъ и знае, що вôнъ думае, гадае,
Що Павловû Наливайковû да на помôчь помагае.
Не намъ про тее, за тее раховати:
Наше дѣло Боговû молиться,
Спасителю хреститься!

П е р е в о д ъ.

Какъ въ нашей славной Украйнѣ бывали когда-то страшные злые дни, бездольныя времена; бывали и моры и войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогалъ, никто за нихъ Богу молитвъ не возсылалъ; а только Святый Богъ нашихъ не забывалъ, для великихъ усилій, для отвѣта (врагамъ) сохранялъ; только Богъ Святый зналъ, что Онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгодья на Украинскую землю посылалъ!

Вотъ и прошло, разошлось злое безвременье; — нѣтъ никого чтобъ одолѣлъ насъ! только Богъ Святый зналъ, что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украйну, ни на часъ не имѣли отдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гетьману Наливайку дорогу держали.

А Гетьманъ храбрый Наливайко — что́ онъ думаетъ, гадаетъ? что́ онъ на долю товарищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Святый знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы туча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ. То Поляки́, черезъ три рѣки́ шли три перехода; а возлѣ третьяго перехода стали станомъ, пустили коней на паству, а себѣ дали отдыха на три часа.

А что́ Гетьманъ Наливайко думаетъ, гадаетъ? — что́ онъ на невзгодье Ляховъ замышляетъ? — Только Богъ Святый то знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

То не тучи по небу святымъ громомъ гремятъ, то не Святыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: то Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на свисткахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, чтобы всѣ шли въ громаду на послу́шанье, слушать отповѣдь Гетьмана Жолкевскаго. — Вотъ и пришли; всѣ рядомъ стали, — рядомъ стали и замолчали. Гетьманскую отповѣдь начали слушать; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлую-рѣчьку большой переходъ держали: мосты мостили, гати гати́ли, вбивали колья, клали хворостъ и драть, — черезъ Бѣлую-рѣчьку переходъ великій держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, ставили пушки въ окрѣпѣ, а передъ пушками три креста вколотили. А что первой крестъ — то *Со́мино* виситъ, — Сомино виситъ, громко голоси́тъ. А что другой крестъ, то *Богунъ* виситъ — Богунъ виситъ, саблею стучитъ.

А что третій крестъ, то порожній стоитъ, — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ, козаковъ поджидаетъ, козаковъ оглядаетъ. Кто первый подойдетъ, того пушка убьетъ; кто другой подбѣжитъ, того самопалъ хватитъ; а кто третій подлетитъ, тотъ креститься будетъ, креститься будетъ молиться станетъ: крестъ изъ осоки — его участь!.. А козаки глядѣли, своими очами видѣли, про-между себя переговаривались, судили; — три хоругви на видъ Ляхамъ становили, на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали: *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ, а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ. У кого крестъ — на того и Крестъ!* —

Вотъ и пошли наши на четыре поля, что на четыре поля, а на пятое на Подолье; — Ляховъ на всѣ стороны окрестъ себя колотили. Ляхи прощенья просили, да не допросились: не таковскіе козаки, чтобъ прощенье дали! не таковскіе и Ляхи, чтобъ напасть забыли.

Будетъ и нашимъ бѣда, какъ кукушка куковала. Что она куковала, то она промежь Святыхъ слыхала! что она куковала, тому и быть-стать: какъ станутъ бѣсы правыхъ и неправыхъ единить, сбирать души и въ аду въ кучу валить. Отъ того и сего, и другаго чего — да спасетъ насъ Богъ! Про то Онъ и знаетъ, что Онъ думаетъ, гадаетъ, что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ! Не намъ о томъ и про то судить. Наше дѣло Богу молиться, къ Спасителю креститься!

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей Думѣ слѣланы по списку, полученному мною отъ Г. Срезневскаго.

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія относится къ 1637 году, когда козаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представленъ идущимъ чрезъ поле битвы, усѣянное трупами, я не знаю по Исторіи. — Подъ именемъ *Степана Кукурузы* здѣсь разумѣется, я думаю, *Степанъ Остраница*, который послѣ побѣды своей захваченъ ночью въ Ка́невскомъ монастырѣ и въ Варшавѣ колесованъ. *Карпо́ По́втора-Кожуха*, бывшій послѣ Остраницы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ точно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ степяхъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горѣлочной бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой по̂шли́ козаки́ на чоты́ри̂ по́ля,
Що на чоты́ри̂ по́ля, а на пя́те на Подо́лье.
Що одни́мъ по́лемъ — то по̂шо́въ Самко́ Мушке́тъ,
А за Па́номъ Хору́нжимъ мало-ма́ло не три́ ты́сячи,
Усе́ хоро́бры това́риши Запоро́зьці̂.
На ко́никахъ выграва́ютъ, шабелька́ми блиска́ютъ,
у бу́бны вдаря́ютъ,
Бо́гови̂ моли́твы посыла́ютъ, хресты́ поклада́ютъ.

А Самко́ Мушке́тъ — то во̂нъ на коню́ да й не выграва́е,
Коня́ удержу́е, до се́бе притягу́е, ду́мае, гада́е.
Да що́-бъ сто чорто̂въ ли́хомъ вби́ли ту его́ ду́му, що гада́нье! —
Самко́ Мушке́тъ ду́мае, гада́е, слова́ми промовляе:
— „А що́, якъ на́ше коза́чество, мовъ у пе́клѣ, Ляхи́ спа́лять,
Да зъ на́шихъ коза́цькихъ косте́й пиръ собѣ́ на похмѣ́лья зва́рять! . . .
А що́, якъ на́ши го́ловы коза́цьки по степу́-по́лю поля́жуть,
Да ще́ й ро̂дною кро́въю вмы́ються,
Поперероско́лотыми шабля́ми покры́ються! . . .
Пропаде́, мовъ пороши́на зъ ду́ла, та́я коза́цькая сла́ва,
Що по всему́ свѣ́ту ды́бомъ ста́ла,
Що по всему́ свѣ́ту сте́помъ розлягла́сь, простягла́сь,
Да по всему́ свѣ́ту луго́вымъ го́мо̂номъ роздала́сь,
Туре́ччинѣ да Тата́рщинѣ до́брымъ ли́хомъ зна́ти дала́сь,
Да й Ляха́мъ-ворога́мъ на списъ оддала́сь!“ . . .

Закря́че во́ронъ сте́помъ летю́чи,
Запла́че зозу́ля лу́гомъ скачу́чи,
Заку́ркують кречéты сизі̂,
Загада́ються о́рлики хижі̂ —
Да все́, усе́ по свои́хъ брата́хъ,
По бу́йныхъ това́ришахъ козака́хъ! . . .
Чи то́ ихъ згарбомъ занесло́?
Чи то́ ихъ у пе́клѣ потону́ло?

Що невидко чубатыхъ, не то по степахъ, не то
й по лугахъ,
Не то й по Татарськихъ земляхъ, не то й по
Турецькихъ горахъ,
Не то й по Чорныхъ моряхъ, не то й по Ляцькихъ
поляхъ? . . .
Закряче воронъ, загруе, зашумуе,
Да й полетить у чужую з'млю. . .
Анъ-ба! костки лежать, шаблюки сторчать;
Костки хрустять, шаблюки попереросколонî
бряжчять! . . .
А чорна, сива сорока зоскалилась да й басуе!
А що головы козацькî — то мовъ Швець-Семенъ (52)
шкуру загубивъ (53),
А що чубы — мовъ чортяка джгуты поробивъ: —
У кровî усе, да й позасыхали —
От-то й славы набрали! . . .

Ой пôшли козаки на чотырî шляхи,
Да на чотырî шляхи, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ — то пôшовъ Самко Мушкетъ,
А другимъ полемъ — Стецько Кукуруза:
Сизою голубкою голову свою буйную до-долу (54)
закинувъ!

(52) Въ Украйнѣ былъ какой-то знаменитый *Семенъ Швець* (сапожникъ), вошедшій въ поговорку. Говорится, на пр. онъ его смялъ, *мовъ Швець-Семенъ шкуру*. (53) — Потерялъ. (54) До-долу — внизъ, на-полъ.

А за ни́мъ иду́ть ма́ло-ма́ло не три ты́сячи,
Усе́ хоро́брыи това́риши Запоро́зьцû,
На ко́никахъ выграва́ють, шабелька́ми блиска́ють,
у бу́бны вдаря́ють,
Бо́говû моли́твы посыла́ють, хресты́ покладаю́ть,
До Стецька́ Кукуру́зы ось-та́къ (55) промовля́ють:
— Чи ты живъ, чи здоро́въ, па́не Степа́не?
Чи ты вме́ръ, що твою́ голо́воньку ду́бомъ до-до́лу
пришибло?
Рахова́нье (56) — не въ помина́нье!
Коли́-жъ не́будь тре́ба (57) да по на́съ поми́нки
роби́ти!
Що по на́съ, Па́не, старû ба́бы ста́нуть у по́лѣ
свистѣ́ти,
А по тобѣ́, Пане, молоды́и дѣвча́та зачну́ть го-
лоси́ти!
— „Да те все́ однако,
Що Яки́мъ, що Якôвъ!
Ось, якъ приста́немо до пя́того я́ра,
То хочъ и сере́дъ лѣ́течка — зашуми́ть, загуде́
не-дай-свѣта - чва́ра!
Бу́де й на́шимъ ли́хо, якъ зозу́ля кува́ла,
Сте́помъ летю́чи, лу́гомъ скачу́чи.
Що вона́ кува́ла, то пра́вду каза́ла;
Налêтя́ть орлы́ хижû, ста́нуть жалкова́ти;
А во́роны налêтя́ть, да й ста́нуть здобы́чи жда́-
ти й пôджида́ти.

(55) Ось — вотъ; - сь — частица то. (56) Рахо-
ва́ти — считать, разсуждать. Рахова́нье — размы-
шленье. Раху́нокъ — разсчеть. (57) Тре́ба — надо,
потребно.

То якъ налетять отъ-тѣ зозулѝ,
Що насъ не забули! . . .
Що жидъ, а що дѣдъ, а що й Запорозській козакъ! —

— Ой пошли козаки на чотырѝ шляхи,
Що на чотырѝ шляхи, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко Мушкетъ;
А другимъ полемъ, то пошовъ Стецько Кукуруза;
А третимъ полемъ, то пошовъ Карпо Повто-
ра-Кожуха —
На конику выгравае, пѣсню спѣвае.
А за нимъ идуть мало-мало не три тысячи,
Усе хоробрыи товариши Запорозцѝ:
На коникахъ выгравають, шабельками блискають,
у бубны вдаряють,
Боговѝ молитву посылають, кресты покладають.
А Карпо Панъ Гетьманъ на конику выгравае,
пѣсьню спѣвае:

— „Пресучая та журба,
Мене изсушила,
Вона мене молодого
Изъ ногъ извалила.

А я той журбѣ
Да й не поддаюся.
Ой пойду я до шинкарки,
Горѣлки напьюся. . .

Ой хто хоче ме́ду пити —
Хо́де̂мъ до жидо̂вки!
А въ жидо̂вки чо́рни̂ бро̂вки,
Высо́ки по̂дко̂вки...

И юпочка рябе́нька,
Й сама́ молоде́нька;
Да яка́я-жъ хоро́шая,
Яка́ чепурне́нька!

Шинкаро́чко моя́!
Насы́пь ме́ду й вина́,
Да що́-бъ моя́ голо́вонька
Веселе́нька була́!

— Коли́ ты жона́тый,
То иди́ до-до́му;
А а́къ нежонаты́й,
То ночу́й зо мно́ю. —

Ой е́ въ ме́не й жо̂нка
И де̂́точокъ дво́е:
Да не пригорта́ються,
Се́рденько мо́е!"

ПЕРЕВО́ДЪ.

Вотъ пошли козаки на четыре поля, — что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самко́ Мушке́тъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы — на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ,

А Самко́ Мушкетъ — онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ, — думаетъ гадаетъ.. Да чтобы сто чертей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ гадаетъ, говоритъ словами:

„А что̀ какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалятъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ? . . .

„А что́ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?.... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала, — что по всему свѣту степью розлеглась, протянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на копье отдалась? . . .

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Заку́ркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ коза́кахъ! . . . .

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду потопило: что не видно чубатыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Татарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закрячетъ воронъ, загру́ститъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю. . . . Анъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семенъ шкуру потерялъ!

А чубы — словно чортъ жгуты повилъ: въ крови всѣ засохли: то́-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—то пошелъ Самко́ Мушкетъ, а другимъ полемъ *Степанъ Кукуруза;* какъ сизая голубка, свою буйную голову повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, сабельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такія слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты умеръ, что твою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ? Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ поминки творить. Какъ по насъ, Пане! старыя бабы станутъ въ полѣ свистѣть; а по тебѣ, Пане, молодыя дѣвицы зачнутъ голосить! —

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ какъ дойдемъ до пятаго яра, то хоть и середь лѣта — зашумитъ, загудетъ не-приведи-Богъ-буря. . . Будетъ и нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка степью летучи, лѣсомъ скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налетятъ орлы сизые, станутъ горевать; а во́роны налетятъ, станутъ добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налетятъ тѣ кукушки, что насъ не забыли. . . Что̀ жидъ, а что̀ дѣдъ, а что̀ и Запорожскій козакъ. . . .

Вотъ пошли козаки на четыре дороги, — что на четыре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ —

то пошелъ Самко́ Мушкетъ; а другимъ полемъ — то пошелъ Степанъ Кукуруза; а третьимъ полемъ — то пошелъ Карпо Полтора́ - Кожуха: на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню. А за нимъ идутъ мало - мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Карпо Панъ Гетьманъ (?) на конѣ гарцуетъ, поетъ пѣсню:

Разсукина та тоска меня изсушила,
Она меня молодаго, она съ ногъ свалила.

А я той ужь тоскѣ да не поддаю́ся:
Ой пойду я къ шинкарочкѣ горѣлки напьюся.

Ой кто хочетъ меду пить, пойдемъ до жидовки —
У жидовки чёрны бровки, високи́ подковки,

Юпочка пестре́нька, сама молоденька —
Ужь и что́ за пригожа́я, то́-то удалая!

Шинкарочка моя! лей мнѣ меду, вина,
Да чтобъ моя головушка весе́ленька была!

„Коли ты женатый, то иди до дому;
Колижъ не женатый, то почуй со мною!“

— Есть у меня жонка и дѣточекъ двое —
Да не приголубятся, серденько мило́е!

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковой Асаулъ *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гира?*).

Въ семъ году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣете: кто-же вамъ за себя стать воспрещаетъ?" Барабашъ скрылъ эту грамату; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чаплицкимъ за извѣстную обиду.

Произшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительства сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Старостою былъ тогда *Кричевскій* (убитый въ 1649 г.), Чигиринскимъ же старостою былъ Александръ Конецпольскій.

Въ стихѣ: *Ку́момъ ёго́ до се́бе проха́въ* — я выпустилъ слова: *до го́рода Чигрина́*, ибо это ошибка вѣроятно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поставилъ вмѣсто *до го́рода Черка́са*, въ другомъ стихѣ (*Чу́ру свого́ посыла́въ*); а въ стихѣ: *днёмъ и но́чью изъ Чигрина́ поспѣша́въ* — было въ спискѣ *до Чигрина́*.

Изъ день-годи́ны (58) ,
Якъ ста́ла тревóга на Украи́нѣ.
То ні́хто́ не мо́же обôбра́ти (59)
За вѣ̂ру Христія́нську односта́йне (60) ста́ти;
Тôлько обôбра́лись Бараба́шъ, да Хмельни́цкій,
да Кли́мъ Бѣлоцеркóвській;
До Короля́ выступа́ли, ли́стôвъ, Наверса́лôвъ (61)
проха́ли,
То Кóроль Наверса́лы писа́въ,
Самому́ Барабашу́ до ру́къ подава́въ;
А Бараба́шъ ли́сты якъ взя́въ,
Три́ гóды козака́мъ зна́ти не дава́въ.
То Хмельни́цкій тée догада́въ,
Ку́момъ ёгó до се́бе проха́въ, дóбре угоща́въ.
А якъ ста́въ Бараба́шъ на пôдпи́тку (62) гуля́ти,
Ста́въ ёму́ Хмельни́цкій каза́ти:
„Гóдѣ (63) тобѣ́, Па́не ку́ме, ли́сты Короле́вськіи̂
держа́ти,
Дай менѣ́ хочъ прочита́ти!“
— „На́ що тобѣ́, Па́не ку́ме, ѝхъ зна́ти,
Мы да́чіи̂ не дае́мъ,
Въ вôйсько По́льске не йде́мъ;
Не лу́ччебъ на́мъ зъ Ляха́ми,
Мосці̂выми (64) пана́ми,
Ми́рно пробува́ти;
А нѣ̂жъ пôйти́ лугôвъ топта́ти, (65)

(58) Съ поры-времени. (59) Обôбра́тися — вызваться. (60) Односта́йне — въ одну стаю, единодушно. (61) Наверса́лъ — Универсалъ. (62) На-пôдпи́тку — на́-веселѣ. (63) Го́дѣ, бу́де — довольно, полно, будетъ! (64) Мосці̂вый — знатный, вельможный. (65) Нежели пойти луга теретъ.

Своимъ тѣломъ комарôвъ годовати (66)?“
　　То Хмельницькій тее зачувавъ,
　　Ще луччихъ напиткôвъ подававъ.
　　То Барабашъ якъ упився,
　　На лѣжку (67) спати звалився.
Тогдѝ Хмельницькій ключи одбиравъ,
Чуру свого до города Чигрина посылавъ,
Велѣвъ ключи Паньѣ Барабашовôй подати,
　　Листôвъ Королевськихъ питати.
　　То чура до неи прибуваe,
　　Словами промовляе:
„Панѝ Барабашова! твôй Панъ ставъ у насъ гу-
лятии,
А тобѣ велѣвъ листы Королевськѝ подати.
„Де-сь (68) моему Пановѝ лихомъ занудилось,
Що зъ Хмельницкимъ гуляти схотѣлось!
Пôйди въ глухôмъ кôнцѣ пôдъ ворôтьми
Листы Королевськѝ въ шкатулѣ вôзьми!“ —
　　То чура скоро листы доставъ,
День и нôчъ изъ Чигрина поспѣшавъ;
Скоро прибувавъ, самому Хмельницькому листы
подавъ.
Тогдѝ Барабашъ рано прочинае (69),
У карманы поглядае — ажъ ключôвъ немае.
Вôнъ старосту Кричевського пробужае,

(66) Годую, годовати — кормить. (67) Лѣжко — кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-то), знать, вѣрно. — Лихомъ занудилось — бѣдою затосковалось. (69) Прочинати — просыпаться, очинаться.

Двома́ ко̂ньми ти́хо зъ двора́ вы҄ѣзжа́е,
Ду́мае, гада́е,
Якъ Па́на Хмельни́цького до ру́къ прибра́ти,
Ляха́мъ отда́ти.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ той поры-времени, какъ началась тревога на Украинѣ, никого не вызовется, чтобы дружно стать за вѣру Христіянскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили граматъ *Универсаловъ*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ граматы, три года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и сталъ угощать. А какъ разгулялся Барабашъ на́-веселѣ, сталъ ему говорить Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія граматы держать, — дай мнѣ хоть прочитать!"

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? по́дати мы не даемъ, въ войско Польское не йдемъ; не лучше ли намъ оставаться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга топтать, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напитковъ. Упился Барабашъ и повалился спать на кровать.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подать ключи Паньи Барабашевой и просить Королевскихъ граматъ.

Пріѣхалъ къ ней чу́ра и говоритъ словами: „Панья Барабашева! твой Панъ остался у насъ гулять, а тебѣ велѣлъ достать Королевскія граматы.“

— Видно моему Пану больно встосковалось, что съ Хмельницкимъ гулять пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подъ воротами — возьми въ шкатулкѣ Королевскія граматы.

Чура тотчасъ досталъ граматы; день и ночь спѣшилъ изъ Чигрина; скоро пріѣхалъ и подалъ граматы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманы, а ключей нѣтъ.

Будитъ онъ старосту Кричевскаго; тихо они на двухъ коняхъ выѣзжаютъ съ нимъ со двора; думаютъ, гадаютъ: какъ-бы прибрать къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдать Ляхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Относится къ тому походу, который былъ въ 1649.

Изъ низу Днѣпра́ тихій вѣ́теръ вѣе, повѣва́е;
Во̂йсько коза́цьке въ похо́дъ выступа́е:
　　То̂лько Бо́гъ Святы́й зна́е,
　　Що Хмельни́цькій ду́мае, гада́е!
　　Объ то̂мъ не зна́ли ни Со́тники,
　　Ни Ота́маны Куре̂нныи, ни Полко́вники:

Тôльки Бóгъ Святый знáе,
Що Хмельницькій дýмае, гадáе! . . .
Якъ до Днѣстрá прибувáли;
Черéзъ три перевóзы перепрáву мáли;
Самъ Хмельницькій напередъ-всѣхъ рушáвъ,
До Хóтіи (70) прибувáвъ, у стáршого Копитáна на квартырѣ стáвъ,
До Василя Молдáвського листы посылáвъ, словáми промовлявъ:
„Щó ты зо мнóю бýдешъ гадáти —
Чи бýдешъ биться,
Чи бýдешъ мириться;
Чи на примирье бýдешъ пріймáти,
Чи слáвнои Волóщины половину оддавáти?" —
То Василій Молдáвській тéе зачувáвъ,
До Потóцького листы посылáвъ, словáми промовлявъ:
— Гéтьмане Потóцькій,
Що въ тéбе рóзумъ жôнóцькій!
Ты за дорогими напитками, бенкéтами уганяешъ (71) —
Чôмъ ты Хмельницького не еднáешъ? (72)
Вже почáвъ вôнъ зéмлю кôньскими копытáми орáти,
Крóвъю Молдáвською поливáти! —
Тогдî Ляхи изъ гóрода изъ Сочáвы (73) утѣкáли,
Василю Молдáвському знáти давáли,

(70) Хóтія — гор. Хотинъ. (71) За бенкéтами уганяешъ — за пирами гоняешься. (72) Еднáти — склонять (на свою сторону), единить. (73) Въ Буковинѣ.

То Василій Молдавській до Яссъ прибуває,
Словами промовляе:
— Ой вы Яссы мои, Яссы!
Були есте барзо (74) красны,
Да вже не будете такі,
Якъ прійдутъ козаки! —

То панъ Хмельницькій добре учинивъ: Польщу засмутивъ,
Волощину побѣдивъ, Гетьманщину звеселивъ.

Въ той часъ була честь, слава,
Войськовая справа!
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля подъ ноги топтала.

ПЕРЕВОДЪ.

Съ низовья Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, — козацкое войско въ походъ выступаетъ. Только Богъ Святый знаетъ что, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! — Не знали о томъ ни Сотники, ни Куренные Атаманы, ни Полковники. . . только Богъ Святый знаетъ что, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! —

Какъ подъѣхали къ Днѣстру, переправлялися черезъ три перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкій. Какъ вступилъ онъ въ Хотинъ, остановился въ домѣ у старшаго Капитана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому, и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдаться:

(74) Барзо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по Малоросійски — дуже.

будешь биться или будешь мириться? или примешь меня съ миромъ и отдашь половину славной Волощины?"

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма къ Потоцкому и говорилъ словами: »Гетьманъ Потоцкій! женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими напитками и пирами! что ты нейдешь на Хмельницкаго? Онъ ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливать Молдавскою кровью!«

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знать Василью Молдавскому, пріѣзжаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами: »Яссы вы мои, Яссы! очень вы были красны! а ужъ не быть вамъ такими, какъ придутъ козаки!«

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ страхъ на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гетьманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама себя на смѣхъ не давала, непріятеля подъ ноги топтала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг. 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гетьмана; онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см. *Бант. Кам.* ч. II. стр. 20) *Пушкаря*, *Павла Тетерю* Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Ивана Виговскаго;* а по словамъ Думы сей — Полковниковъ: Полтавскаго *Пушкаря*, Миргородскаго *Костыря* (или Лѣсницкаго), Кропивенскаго *Филона Чигая* (т. е. *Джед-*

жѣя или *Джеджелѣя*) и Кіевскаго *Вологая* (или *Адамовига*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захотѣли избрать 16-лѣтняго Гетьманича безталаннаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій отлучался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желтыхъ Водахъ, потомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣннически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что осталась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговській Москву.* — Обманы его вполнѣ открылись дѣйствительно чрезъ полтора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

Зажури́лася Хмельни́цького сѣда́я голова́,
Що при ёму́ ни Со́тникôвъ, ни Полко́вникôвъ нема́:
Ча́съ прихо́дитъ умира́ти,
Нѣ́кому пора́ды (75) да́ти.
Покли́кне вôнъ на Ива́на Луговсько́го
Писаря Вôйсково́го:
„Ива́нъ Луго́вскій,
Пи́сарь Вôйско́вый!
Скорѣ́йше бѣжи́,
Да ли́сты (76) пиши́,
Щобъ Со́тники, Полко́вники до ме́не прибува́ли,
Хочъ ма́ло пора́ду дава́ли!“ —

(75) Пора́да — совѣтъ. (76) Ли́сты — письма, граматы.

То Иванъ Луговській
Писарь Войсковый,
Листы писавъ,
До всѣхъ розсылавъ.
То Сотники, Полковники, якъ їхъ прочитали,
Усе покидали, до Гетьмана Хмельницького скорѣйшь прибували.
То Гетьманъ добре їхъ приймае,
Словами промовляе:
„Панове молодцї! добре вы дбайте,
Собѣ Гетьмана наставляйте;
Бо я старъ, болѣю,
Больше Гетьманомъ не здолѣю!...
Коли хочете, Панове, Антона Волочая Кіевського,
Або Грицька Костыря Миргородського;
Або Филона Чичая Кропивьянського;
Або Мартына Пушкаря Полтавського."
То козаки тее зачували, смутно себе мали,
Тяжко вздыхали, словами промовляли:
— Не треба намъ Антона Волочая Кіевського,
Ни Грицька Костыря Миргородського,
Ни Филона Чичая Кропивьянського,
Ни Мартина Пушкаря Полтавського;
А хочемъ мы сына твого Юруся молодого,
Козака лестрового!
— „Вонъ, Панове молодцї! молодый розумъ мае,
Звычаѣвъ козацькихъ не знае!"
Будемъ мы старыхъ людей биля (77) его державши,

(77) Биля — подлѣ, возлѣ.

Будуть воны его научати, будемъ его добре поважати,
Тебе батька нашого, Гетьмана споминати! . . .
То Хмельницкій тее зачувавъ, великую радость собе мавъ,
Седою головою поклонъ отдававъ, слёзы проливавъ.
Скоро посля того ще й горше Хмельницкій знемогавъ,
Опрощенье зо всеми пріймавъ,
Милосердому Богу душу оддавъ. —
То не чорніи хмары ясне сонце заступали,
Не буйныи ветры въ темномъ лузе бушували,
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали . . .
А молодый Юрусь подъ Белою-Церквою гуляе,
Объ смерти отцевськой не знае,
Скоро лейтары до его прибували,
Листы подавали.
То Хмельниченко листы якъ прочитавъ,
Света Божого не взвидавъ!

То не богато Луговській гетьмановавъ,
Повтора года булаву державъ.
Скоро Сотники, Полковники прибували,
Юруся Хмельниченка Гетьманомъ поставляли:
„Дай-же Боже! козаки промовляли:
За Гетьмана молодого
Жити якъ за старого,
Хлеба, соли его вживати, (78)

(78) Вживати — употреблять (пищу или питья).

Города̂ Туре́цькі̂ плю̂ндрова̂ти (79),
Сла̂вы, лы́царсьтва коза́цькому во̂йську достава̂ти!

ПЕРЕВОДЪ.

Запечалилась Хмельницкаго сѣдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сотниковъ, ни Полковниковъ; приходитъ смертный часъ, а совѣта дать нѣкому! — Говоритъ онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши граматы, чтобы ѣхали ко мнѣ Сотники, Полковники, хоть мало бы мнѣ посовѣтовали!« — Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь граматы писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сотники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣй спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я старъ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хотите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, либо Григорья Костыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Мартына Пушкаря Полтавскаго!“

Какъ услышали козаки, смутились они, тяжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорья Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Мартына Пушкаря Полтавскаго: а хотимъ мы твоего сына, молодаго Юрья, козака реестроваго.“

(79) Плю̂ндрова́ти (съ Нѣм. *plündren*) — грабить, разорить.

— „Онъ, Паны молодцы, разумомъ молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держать при немъ старыхъ людей. Будутъ они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминать тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ сѣдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйные вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гуляетъ подъ Бѣлою-Церковью, не знаетъ о смерти отцовской. Скоро пріѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочелъ письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣта Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманствовалъ: держалъ булаву полтора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, ставили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ жить какъ при старомъ! видѣть его хлѣбъ - соль, разорять Турецкіе города, доставать казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛѢ БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не доста! ту пиръ докончаша храбрыи Русици, сваты попоиша, и сами полегоша за землю Руськую. Ни́чить трава жалощамѝ, а древо съ ту́гою къ земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давшій козакамъ устройство, раздѣлилъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекоманныхъ*.

выборные или реестровые (лестровыи) козаки составляли постоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною стражею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — охочекоманные козаки въ мирное время вели жизнь поселянъ и промышленниковъ, но въ военное время составляли цѣлые полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множество *посполитыхъ* (*) стали отходить отъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Боплана.

И. — компанѣйцами назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жалованьѣ. 1776, Они переобразованы въ три полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ корабинерные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенные.

К. — сердюками назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся, по мнѣнію Бантышъ - Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его тѣлохранителями, ненавистными для народа и войска козацкаго.

(*) Посполитыми назывался простой народъ *(рѣчь)*: тѣ изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не - грунтовые), назывались *сусѣдями* и *подсусѣдями*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНѢ КОНОВЧЕНКѢ.

Прекрасная дума сія относится къ 1684, когда За-днѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на Татаръ, разбили ихъ подъ *Тягиномъ*, и отбившись отъ пришедшаго съ войскомъ Ханскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Гетьмана *Куницкаго* (поставленнаго Собѣскимъ) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. Лѣтоп. Рубана). Корсунскій Полковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджелѣя: *Джеджели* близъ *Корсуня*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигириномъ и Днѣпромъ. *Черкень-долина* не толи-же что̀ и Черная долина? Городъ *Тягинъ* нынѣ селеніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингусьцомъ и городомъ Бериславлемъ (Кизикерманомъ,). Рѣчка *Тягинка* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

Саранча названа *гнѣвомъ Божіимъ* по тому повѣрью, будто эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На сла́вной Украи́нѣ,
Усла́внôмъ городѣ у Корсу́нѣ
Кли́кне, покли́кне Хвилоне́нко, Корсу́нській Полко́вникъ:
„Го́дѣ вамъ, пано́ве молодцѝ! домова́ти,
„Идѣте зо мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
„Сла́вы лыца́рьства коза́цькому во́йську доста́вати!“

Оп-тогдѣ по городáмъ не музыки выгравáли,
Осаýлы вôйськовыи похожáли,
Ли́спы чипáли, козакôвъ въ похóдъ выкликáли:
А хто буде пан-отцёвого — промовляли —
Недѣлешнёго обѣда дожидáпи,
Той бýде Хвилонéнка,
Корсýнського Полкóвника,
Въ шести́ ми́ляхъ доганяпи! —

У гóродѣ у Черкáсѣ жилá вдовá старéнька,
Мáла собѣ (80) сына Ивáна вдовичéнка Коновчéнка.
Вонá тее перше (81) ёгó зачувáла,
До господы (82) найскорѣйше прибувáла,
Усѣ кóнѣ изъ господы позсылáла,
Все орýжье у кôмнáту замыкáла,
Къ дóму Бóжому до цéркви поспѣшáла.
То Ивáсь одъ снá прочинáе по хáтѣ поглядáе (83) —
Ажъ ни однóи шáблѣ булáтнои,
Пищáлѣ семипъяднои
На стѣнѣ немáе!
У стáню (84) ухожáе, а на стáпѣ ни однóго конá
вороного.
Вôнъ нéньку старéньку бѣля цéркви доганяе, сло-
вáми промовляе:
„Не-дóбре ты, мáти, згадáла,
Що всѣ кóнѣ изъ господы позсылáла,
Все орýжье у кôмнáту замыкáла;
А лýччебъ ты, мáти, зробила, (85)
До гóрода Крылóва одъѣздила,

(80) Имѣла у себя. (81) Сперва, прежде его услыхала. (82) Госпóда — домъ. (83) Пробуждается. (84) Стáня — сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Сто злотыхъ жиду оландарю (86) давала;
У нарядѣ доброго коня куповала,
Мене молодого въ походъ знаряжала! —
„Маешъ ты чотыри волы чабаныи (87),
Два кони отцёвськи вороныи,
Можешъ добре у Черкасѣ поживати,
Козаковъ на хлѣбъ, на соль закликати.“
— Що менѣ съ того, що буду я добре поживати,
Будуть мене козаки за хлѣбъ, за соль поважати!
Только будуть мене, мати,
На-подпитку, гречкосѣемъ, домонтаремъ (88) величати,
Коня мого приблудою называти.
И вже менѣ не честь, не подоба (89) по рольямъ (90) спотикати,
Жовтыхъ чоботъ каляти, (91)
Дорогіи сукни пыломъ (92) набивати!
А хочется менѣ, мати,
Пойти подъ городъ Тагиню гуляти,
Славы лыцарства доставати!.. —
То шее промовлявъ,
У неньки стареньконі благословенья бравъ,
Изъ дому отцёвського поспѣшавъ,
На Черкенію-долину зъ козаками прибувавъ.

Не ясенъ соколъ на долинѣ по табуру гуляе,
Не бѣлая лебедь спѣвае:

(86) Оландарь — арендаторъ. (87) Чабаный — выхоженный. Чабанъ — пастухъ. (88) Домосѣдъ. (89) Приличіе. (90) Роля — борозда, пашня. (91) Пачкать. (92) Пылъ — Пыль.

Полко́вникъ Хвилоне́нко похожа́е,
Слова́ми промовля́е:
„Кото́рый-то, пано́ве молодцѣ̂, коза́къ доро́дный (93),
Ще й кôнь пôдъ ни́мъ воздо́бный (94),
Поїде за мно́ю на Черке́ню-доли́ну гуля́ти,
Сла́вы лыца́рсьтва коза́цькому вôйську достава́ти?“
То Ива́сь Коновче́нко тее зачува́въ,
Напере́дъ всѣ́хъ благослове́нья проха́въ (95).
„Ты дити́на, Ива́сю, молода́! полко́вникъ промовля́въ —
Ни на по́лѣ, ни на мо́рѣ не бу́вало;
Смертѣ̂ би́ля се́бе не вида́ло,
Якъ звыча́и коза́цькѣ̂ пôзна́ешъ,
Лу́чче тогдѣ̂ погуля́ешъ.“
— Не всѣ́ старѣ̂ птицѣ̂ высо́ко лѣ̂таютъ,
Не всѣ́ старѣ̂ щу́ки карасѣ̂въ хапа́ютъ,
Трапля́ется (96), ба́тьку, що крячя́ (97) мале́е
Ло́вить ры́бку кра́сче не́жъ старе́е. —
То Ива́сь тее промовля́въ,
Зъ Полко́вникомъ на доли́ну выѣзжа́въ,
Двана́дцать Тата́ръ пере́дъ ме́чъ приня́въ,
Шѣ̂сть на арка́нъ звъяза́въ,
Хвилоне́нку гости́нця подава́въ.
То Полко́вникъ бусурма́нôвъ принѣ̂ма́е,
Ива́ся Коновче́нка би́ля се́бе сажа́е, сла́ву его́ выхваля́е.
То Ива́сь вели́кую ра́дость ма́е, слова́ми промовля́е:
„Благослови́ менѣ́, ба́тьку, окови́тои (98) напи́ться,

(93) Способный (94) Удалый? (95) Просилъ. (96) Случается. (97) Крячокъ, утка. (98) Окови́тая — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣкаюсь съ бусурма́нами ще лу́чче поби́ться."
— Не велю́ я тобѣ́, сы́ну, оковито́и напива́ти,
Да ити́ съ бусурма́нами на доли́ну гуля́ти;
Коли́жъ вже ты хо́чешъ еи напива́ти,
То велю́ въ моємъ намѣтѣ ля́гти́ (99) спочива́ти. —
„Сей менѣ́ хмѣль не бу́де заважа́ти (100),
А бу́де моєму се́рдцю смѣ́лости́ додава́ти."

То не ви́хорь по Черке́нѣ-доли́нѣ гуля́е,
Не си́зый оре́лъ ястребо̂въ ганя́е,
Вдовиче́нко Коновче́нко на вороно̂мъ конѣ́ розъ-
ѣзжа́е,
Мече́мъ своимъ якъ бли́скавка ся́е,
Трёхъ Тата́ръ-янича́ръ зъ коне́й збива́е;
Тогди̂ ша́блю була́тну опуска́е,
Козака́мъ лыца́рсьтво свое́ выхваля́е,
Безпе́чне по доли́нѣ розъѣзжа́е,
Бусурма́но̂въ на смѣхъ по̂до̂йма́е.
То безбожни̂ бусурма́ны тее зачува́ли,
Напило́го козака́ за́разъ по̂знава́ли,
Бо̂льше ёму́ по́ля гуля́ти попуска́ли,
Одъ та́бура коза́цького за́разъ отбива́ли,
Гнѣвомъ Божіимъ, саранчо́ю, на козака́ налѣта́ли,
Ша́блями, писто́лями смертныи ра́ны дарова́ли,
То̂лько коня́ коза́цького не по̂йма́ли. —
То до́брый ко̂нь до та́бура прибѣга́е,
По куреня́мъ гуля́е, го́стрыми копы́тами зе́млю
копа́е,

(99) Ляга́ю, ля́гти́ — ложусь, лечь. (100) Тяготить. Ва́га — тяжесть.

Смутно ржучи, козака свого выкликае.
То Хвилоненко тее зачувавъ,
Изъ намета свого выступавъ, словами промовлявъ:
„От-се вы, братцѣ, недобре зробили,
Що напилого козака гуляти пустили,
Мовъ вы сами его зъ света згубили.
Добре вы дбайте, оружье заправляйте,
Бусурмановъ одъ тела козацького отбивайте,
Бо вже не-даромъ козацькій конь по табуру гуляе,
Мабуть Ивася Коновченка на светѣ немае.“ —
То козаки тее зачували, на долину найскорейше поспѣшали,
Бусурмановъ одъ тела козацького отбивали,
Шаблями, надолками (101) суходолъ копали,
Шапками, триполами перстъ выбѣрали,
Ивасю Коновченку могилу насыпали,
Въ семипьяднѣ пищалѣ гремали,
У суремки жалобно выгравали,
Славу козацьку выхваляли. —

Скоро после того стали козаки табуръ изнѣмати,
У городы христіянськѣ уступати.
То вдова старенька
Мати Ивася Коновченка
Не у домѣ ся-мала,
На базарѣ солодкій медъ выставляла,
Сына свого Ивася Коновченка выглядала.
Перва сотня наступае,
Вдова сына не видае.

(101) Надолокъ — заступъ?

Дру́га со́тня вступа́, самъ Хору́нжій попе́реду йде́,
Два козака́ коза́цького коня́ на повода́хъ веде́.
Вдова́ тее забача́ла,
Жало̂бныи слова́ промовля́ла,
Сла́вы, сме́ртѝ сына свого́ пита́ла,
Всѣхъ козако̂въ на хлѣ́бъ, на со́ль заклика́ла,
По́хороны и весѣ́лья Ива́сю отбува́ла,
Полко́внику коза́цького коня́ дарова́ла,
Старшѝмъ ша́блѝ, пища́лѝ Ива́ся роздава́ла.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́,
Якъ одъ вѣ́тру на степу́ трава́!
Сла́ва не вмре́, не поля́же,
Лыца́рсьтво коза́цьке вся́кому розка́же! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2-й части сей Думы сдѣланы нѣкоторыя поправки по списку Ходаковскаго, въ собраніи коего она находится какъ отдѣльная пѣсня, что̂ видно и по самому ея складу. Происшествіе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣй былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣя сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей остались въ Малороссіи и пословицы: 1) Добу́вся якъ Шведъ по̂дъ По̂лта́вою, 2) Не пивъ Полта́вськои воды́ (не испыталъ горя).

Ой ты гадаешъ, Мазепо, ты гадаешъ измѣняти,
Ой ты хочешъ, ты хочешъ Царя одступати!
Ой ты гадаешъ, Мазепо, въ пень Москву рубати,
А самъ хочешъ да на столицѣ царемъ царствовати!

Ой що взмовитъ Гетьманъ Мазепа къ Палѣю Семену:
— Ой Палѣю, Палѣю Семене! чи не зрадишъ (102) ты мене?

„Ой якъ же я маю, Гетьмане Мазепо, тебе изражати,
„Коли ты будешъ, Гетьмане Мазепо, добре починати."
— Я думаю, Палѣю Семене! въ пень Москву рубати,
А самъ хочу да на столицѣ царемъ царствовати! —

„Впередъ-же ты будешъ, Гетьмане Мазепо, у стовба стояти (*),
А нѣжъ будешъ на столицѣ царемъ царствовати."

Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазепа якъ Палѣя зазвати;
Ой ставъ же, ставъ проклятый Мазепа на бенкетъ запрошати.

(102) Зражати — измѣнять (кому), предавать (кого). Израдливый, зрадливый — предательскій.

(*) Привязывать къ столбу, было однимъ изъ позорнѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой пріѣдь, пріѣдь, Палѣю Семене!
Да на бенкетъ до мене! —

Ой скоро Палѣенко Семенъ зъ своимъ войськомъ пріѣзжае,
Ой такъ скоро проклятый Мазепа чашу меду высылае.
Ой пье Палѣй, ой пье Семенъ да головоньку клонить,
А Мазепинъ чура Палѣю Семену кайданы готовить.
Ой пье Палѣй, ой пье Семенъ, изъ нôгъ извалився,
Барзо тому Гетьманъ Мазепа стоя звеселився.
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свои гайдуки:
— Ой вôзьмѣте Палѣя Семена да у тѣсныи руки!—
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свои лейтары:
— Ой вôзьмѣте Палѣя Семена закуйте въ кайданы!
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свою вôзницю:
— Ой вôзьмѣте Палѣя Семена да вкиньте въ темницю!
Не давъ Гетьманъ Палѣю Семену ни пити на ѣсти,
Доколь не выславъ проклятый Мазепа на столицю листы.
— Отто-жъ тобѣ, промовляе, Царю! есть Палѣй измѣнникъ!
Вôнъ тебе хоче вже одступати, въ пень Москву рубати,
А самъ хоче да на столицѣ царемъ царствовати. —

Обôзветься Палѣй Семенъ зъ темнои темницѣ:
„Бреше, бреше (103) проклятый Мазепа въ Царя на столицѣ!

(103) Брехати — лгать, лаять, лаяти — бранить.

Опте-жъ тобѣ, да праведный Царю! самъ Гетьманъ измѣнникъ,
Вôнъ тебе хоче вже одступати, въ пень Москву рубати,
А самъ хоче да на столицѣ царемъ царствовати.“

Ой що взмовлять мосцивыи паны до праведна Царя:
Выпускай ты, да праведный Царю, Палѣя зъ темницû,
А то будуть бусурманы Шведы на твоеѣй столицѣ.

Да ще хмѣль, да ще зелененькій на тычину не звився,
А вже Палѣй пôдъ Полтавою изъ Шведомъ побився.
Да ще хмѣль, да ще зелененькій головокъ не зхиливъ,
А вже Палѣй пôдъ Полтавою и Шведôвъ побивъ.
Ой кликне, покликне да Король Шведській, на гарматѣ стоя:
„Втêкаймо скорѣйшь, Гетьмане Мазепо, зъ Полтавського поля!“ —
Тогдû воны утêкали усѣ зъ-пôдъ Пôлтавы. . .
Богдай воны не дôждали биться зъ козаками!

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ДУМА ОДИННАДЦАТАЯ.

ОТЪѢЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣсни: *Гомо́нъ гомо́нъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная коей есть и между Литовскими пѣснями, и между Рускими (*Отецъ на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю ра́но-пора́но не у всѣ дзво́ны (104) дзвони́ли,
Якъ у вдо́винôмъ дому́ гомонѣли.
Лихі́й вôтчимъ коза́ченька молодо́го ла́е,
Ма́ти сы́ну слêзно промовля́е:
Иди́ ты, сы́ну, мêжъ чужі́и люде,
Чи не лу́чче тобѣ́ на чужинѣ́ бу́де?
Неха́й (104') тебе́ чужі́й ба́тько, сыночку, не ла́е,
Сча́стя твого́ коза́цького на-вѣ́къ не збавля́е!
Тя́жко, тя́жко менѣ́ тебе
Зъ до́му одправля́ти,
А ще́ тя́жче бі́ля́ се́бе
Въ знего́дьи держа́ти!
Хочъ пôйдешъ ты́ на чужи́ну —
Слёзы менѣ́ ли́ти;
Хочъ зоста́влю тебе́, сы́ну —
По всякъ ча́съ тужи́ти! . . .

(104) Дзвôнъ — колоколъ. (104') Неха́й, ха́й — пусть, не-замай (въ Библіи — небрани).

То старшая сестра́ коне́нька выво́дить;
Що найменша рыда́е,
Слова́ми промовля́е:
Изъ яко́и тебе́, бра́те,
Сторо́ноньки ждáти?
Чи одъ чи́стого поля,
Чи одъ Чо́рного мо́ря,
Чи одъ сла́вного Запоро́зья?

„Возьми́ ты, се́стро, жо́втого пѣску́,
Да посѣ́й ты, се́стро, на бѣ́лому ка́мнѣ:
Коли́ бу́де жо́втый пѣсо́къ выроста́ти,
Зеле́нымъ барвîнкомъ ка́мêнь устила́ти!
Въ той ча́съ бу́ду, се́стро, до ва́съ прибува́ти!
Бо якъ тя́жко на безво̂дьи рыбѣ́ пробува́ти,
Такъ тя́жко на чужинѣ́ безро̂дному прожива́ти!“

То тée промовля́въ, на коня́ сѣда́въ, опроще́нье
прiйма́въ,
Сму́тно зъ двора́ отце́вського коза́къ выѣзжа́въ.
До́вго воны́ на моги́лѣ край села́ стоя́ли:
До́вго, до́вго коза́ченька во̂чьми проважа́ли, —
А ще до́вше воны́ ёго́ до́ма оплака́ли.

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТѢ.

Не си́за зозу́ленька въ тёмно̂мъ лу́зѣ кува́ла,
Не дро̂бная пта́шка въ садку́ щебета́ла,
Сестра́ зъ бра́томъ изъ-далёка розмовля́ла,
Покло́нъ посыла́ла:
„Бра́ти̂ку мо̂й ми́лый,
Якъ голубонько си́зый!
Пріи́ди до ме́не изъ чужо́и стороны́,
Посѣти́ мене́ при лихо̂й годинѣ́!“
—Се́стро моя́ ро̂дне́нька,
Якъ голу́бонька сизе́нька!
Якъ я ма́ю прибува́ти,
Тебе́ навѣща́ти,
За тёмными за лѣса́ми,
За да́льными за степа́ми,
За бы́стрыми за вода́ми? . . .

„Черёзъ тёмный лѣсъ я́снымъ со́коломъ лети́,
Черёзъ бы́стрыи во́ды бѣлымъ лёбедемъ плыви́,
Черёзъ степы́ далёкіи перепёлочкомъ бѣжи́,
На моёмъ, бра́те, подво̂рьи̂ ты голубо́нькомъ пади́,
До́бре сло́во взговори́,
Мо́е се́рдце сиро́тськее звесели́!
Чужи̂, бра́те, се́стры зъ до́му Бо́жого иду́ть,
Всѣ́ якъ бчо̂лочки (105) гуду́ть,

(105) Бчола́ или бджола́ — пчела.

На хлѣбъ, на со̂ль людéй закликáють,
Менé-жъ, брáте, слóвомъ не займáють,
Мовъ въ во̂чі̂ не знáють . . .
А якъ колú-сь зъ нáми хлѣбъ-со̂ль поважáли,
Въ той чáсъ кумáми, побратáми звáли;
А якъ пристúгла несчáстна годúна —
Назвáна и кро̂вна одреклáсь родúна. . ."

КНИГА ВТОРАЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То старина́, то и дѣ́янье:
Синему морю на уши́шенье,
Быстрымъ рѣка́мъ слава до́ моря,
А добрымъ людямъ на послу́шанье,
Весельі́мъ мо́лодцамъ на погу́дочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановичѣ.

Л. — **гайдамаками** сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значитъ — бродяга; а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что *бродники* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ ватагамъ Запорожцевъ, кои, не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичь и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной житель; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: *гáйда* — пошёлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *гáйда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (откуда и слово *гультайство*).

М. — **кравчи́на**: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шитьемъ *кожуховъ* (тулуповъ), былъ *краве́цъ* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ противниковъ, что и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себѣ это имя.

ВВЕДЕНІЕ.

Нашествіе Монгольскихъ Ордъ (1224—38) отдалило слишкомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Руськую землю*, т. е. *Украину*, отъ ея родственнаго союза съ *Сѣверно-Русскими* Княженіями, съ коими она составляла древній періодъ нашей Исторіи, и потомъ вмѣстѣ съ ними сто лѣтъ влачила тяготу ярма Татарскаго. — Въ то время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ отбилъ Кіевъ *у поганой Татарвы*, и Украиною овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русичей* на Татаръ и на Крижаковъ. Потомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (Pacta Conventa, 1434); но въ послѣдствіи Кіевъ изъ Княжества обращенъ въ Воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпали подъ власть Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, punctum saliens *Великой Россіи*; и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы Татарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, — на Югѣ зачиналось *Козачество*, которое, подобно летучей кометѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою чертою означило слѣдъ свой въ Исторіи, и — приставъ къ Восточному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Татаръ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ составленію *Козачества* за Порогами Днѣпровскими — тамъ, гдѣ воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ роилась дружная, отважная, холостая ватага *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ матери, ибо для нея была *Сѣчь мати, а великій Лугъ батько*. Козаковъ сводила и дружила жажда воли, мести, битвы и добычи, и всякой выходецъ — ктобъ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - товарищемъ, только бы, принеся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ ихъ*.

Двѣ стихіи сіи, т. е. *Азіятски-наѣздническая* и *Грекохристіянская*, глубоко приняты были коренныиъ племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, наѣзднический воспитали въ немъ непрестанныя схватки и сближенія съ ордами Азіятцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византійцами они получили Восточное христіянство и *письменство*. Живое сліяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоитъ въ угрюмой, столь способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, которую искони воспоило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Руское* море, и въ *грустномъ безпечьи*, къ коему расположила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне составляютъ Восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средоточіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именемъ коего называлась иногда и самая страна ихъ — *Земля Руськая, Украина* или *Малороссія* (1). Западная половина ихъ составила Червленную *(Красную) Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Руськимъ*, у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико - Рускому.

(*Слово о полку Игоревѣ* есть драгоцѣнный памятникъ Южно-Русской Поэзіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэтическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никон. Лѣт. Ч. 3. с. 4. — „Того-же (1239) „лѣта Батый нача посылати рать на грады Руские, и взяша „градъ *Переяславль Рускій* иже въ *Кіевѣ*." Переясловъ всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ отличіе отъ Переяславля Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

Былевыя пѣсни о временахъ козачества доуніатскихъ.

Полягла́ коза́цька молоде́цька голова́
Якъ одъ вѣ́тру на степу́ трава́!
Сла́ва — не вмре́, не поля́же,
Лы́царсьтво коза́цьке вся́кому розка́же! . .

Дума X.

Замѣчаніе I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу пересиливало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхе́тное.* — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣздника*, сталъ называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ—по словамъ лѣтописи — на Украинѣ было столько, сколько и людей; „речетъ старшій слово, абіе войска числомъ аки трава „будетъ!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* представляло собою *рыцарство Восточное*, *народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поэзію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Потомъ предводили козаками *Венжикъ* (*Венцеславъ*) *Хмельницкій*, *Димитрій Вишневецкій.* Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій* — *той бѣ Слава дней своихъ*! Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Баторія (или *Батыря*) получилъ титулъ *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданственное.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Серпяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь этотъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разъѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезонтѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключается славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славнаго Гетьмана, послѣдовавшей 1574, когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Армянина.

1 (*).

Якъ того́ Па́на Ива́на,
Що Свѣрго́вського Гетьма́на,
Да я́къ бусурма́ны пôйма́ли:
То го́лову ёму́ руба́ли,
Ой го́лову ёму́ руба́ли,
Да на бунчу́къ вѣша́ли,
Да у су́рмы выграва́ли,
Зъ ёго глумова́ли.

А изъ ни́зу хма́ра стяга́ла,
Що во́ронôвъ клю́ча набѣга́ла,
По Укра́инѣ тума́ны кла́ла;
А Укра́ина сумова́ла (106) —
Ой Укра́ина сумова́ла,
Своѓо Ге́тьмана оплака́ла.

Тодî бу́йнî вѣтры завыва́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана сподѣва́ли?

Тодî кре́четы налêта́ли.
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана жалкова́ли?

(106) Сумова́ти — грустить, горевать.

(*) Изъ Запорожской Старины кн. I. — Тамъ составлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я представляю ихъ порознь, надѣясь дополнить ихъ при помощи моихъ читателей.

Тоди́ орлы́ загомоне́ли (107).
— Де́-жъ вы на́шого Ге́тьмана зхорони́ли?

Тоди́ жайворо́нки повили́ся.
— Де́-жъ вы изъ на́шимъ Ге́тьманомъ прости́ли́ся?

У глыбо́кой у моги́лѣ,
Би́ля́ го́рода би́ля́ Ки́ліи,
На Туре́цькой лине́и!

Переводъ.

Какъ того Пана Ивана, что Гетьмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; то рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глумились надъ нимъ.

А съ низовья тянулась туча, набѣгала что стая воронов, и стлала туманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гетьмана оплакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гетьмана? — Тогда налетали кречеты . . . Гдѣ вы тужили по нашемъ Гетьманѣ? — Тогда закричали орлы.... Гдѣ вы схоронили нашего Гетьмана? — Тогда повились жаворонки . . . . Гдѣ же вы простились съ нашимъ Гетьманомъ?

— Въ глубокой въ могилѣ, возлѣ города возлѣ Киліи, на Турецкой линіи.

(107) Го́мо̂нъ — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у городѣ у Черкасѣ сурмы засурмили,
Якъ тѣ Ляшській комисары до Гетьмана приходили.

Ой у городѣ у Черкасѣ бубны заорали,
Якъ тѣ Ляшській комисары до Гетьмана прибували.

Ой заржали конѝ, конѝ, да пôдъ гору йдучи,
Заголосили бусурманы до Килiи ѣдучи.

Отъ, якъ панъ Свѣрговськiй до Килiи прибувавъ,
Усѣхъ козакôвъ збѝравъ, да на Радѣ прохавъ.

Сизымъ орликомъ лѣтавъ, яворонькомъ гнувся:
— Де-сь то я, мой милы братья, да й сподѣнуся?

Сподѣнувся панъ Свѣрговськiй у сырôй могилѣ,
Якъ козаки бѝля ёго да загомонѣли!

3.

Ой панъ пышный, панъ Свѣрговськiй,
А ще другiй панъ Зборовськiй,
А ще третiй Морозенко,
А четвертый панъ Горленко.

Що зъ Волохами Турокъ дереться
А зъ Татарами Волохъ бьется.
Да Волоськѝ землѝ руйнують,
Плюндрують ще й не милують.

Не то батенько сына прощавъ
Шаблю да зброю дававъ;
А то мати сына выпровожала —
Що слёзьми опрощенье давала,
Що на горе собѣ ёго выгодовала.

4.

Пла́кала стара́ ба́ба Грици́ха,
Мо́въ перепели́ха, мо́въ перепели́ха.

Молода́ сестра́ со́нъ-траву́ (108) ирва́ла,
Стару́ю пыта́ла, стару́ю пыта́ла:

— Чи той со́нъ-трава́ коза́цькая си́ла?
Чи той со́нъ-трава́ коза́цька моги́ла?

„Ой той со́нъ-трава́, голу́бонько, зрости́вся у по́лѣ,
Да пôйма́ла ту траву́ недо́ля, да дала́ моéй до́нѣ.

Ой до́ню-жъ, до́ню, моя́ до́ню! го́дѣ сумова́ти,
Що на́шого молодо́го Йва́на въ моги́лѣ шука́ти! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗЕ́НКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упоминается какъ его сподвижникъ: и только основываясь на семъ, я помѣщаю здѣсь пѣсни объ этомъ козакѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Исторіи Морозенко мнѣ неизвѣстенъ.

5.

Ой Моро́зе, Морозе́нку, ты сла́вный коза́че!
За тобо́ю Морозе́нкомъ Украйна пла́че.

(108) Эта могильная *сонъ-трава*, разцвѣтающая весною, принадлежитъ къ роду Анемона (Anemone patens). — Анемоны, по Греч. Миѳ., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ трупомъ Адониса. По словамъ Маркевича (см. *Украинскія Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонъ-травѣ приписывается и пророческая сила.

(109) Шука́ти — искать.

Не такъ тая Украина якъ те горде войсько . . .
Заплакала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Годѣ, годѣ, Морозихо, по сынѣ тужити;
Ходѣмъ зъ нами козаками меду, вина пити!

„Чого-сь менѣ, милы братья, медъ, вино не пьется:
Ой де-сь то мой Морозенко да вже зъ Туркомъ
бьется!

Отъ, зъ-за горы, изъ-за кручи (111) горде войсько
выступае —
По-сам-передъ Морозенко сивымъ конемъ выграває.

Склонивъ-же вонъ головоньку своему коню на гривоньку:
— Бѣдна-жъ моя головонька! се чужая сторононька! (*) —

А въ нашого Морозенка червоная строчка (112):
Де проѣде Морозенко — кровавая рѣчка.

За рѣчкою за Лиманомъ покопаны шанцѣ . . .
Взяли, взяли Морозенка въ недѣленьку вранцѣ.

Посадили Морозенка на тесовомъ стольцѣ:
Зняли, зняли зъ Морозенка зъ черешовъ (113) червоньцѣ.

Посадили Морозенка на жовтомъ пѣсочку:
Зняли, зняли зъ Морозенка кроваву сорочку (114).

(110) Мѣсто — кромѣ города, знач. еще и рынокъ; мѣсце — мѣсто. Городъ — огородъ. (111) Круча — крутизна. (112) Строчка — лента узкая и строчка. (113) Черешъ, черешокъ — черезъ, въ коемъ носили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей куплетъ встрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одномъ изъ пяти варіянтовъ сей пѣсни Морозенко представленъ Уманскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — *зъ Ляшеньками бьется*, и конецъ пѣсни такой:

Воны́-жъ ёго́ а ни би́ли, ни въ чве́рті руба́ли, (115)
Тôльки зъ ёго́ молодо́го живце́мъ се́рдце взя́ли.

6.

Въ недѣленьку ране́сенько, да ще́ до схо́дъ со́нця,
Ой пла́кала Моро́зиха, си́дя у вôко́нця.

Морозе́нко коза́ченько якъ ма́къ розпука́вся,
Морозе́нко коза́ченько въ нево́лю попа́вся! —

— Продава́йже, мату́сенько, волы́ да коро́вы,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ тя́жкои нево́ли!

Продава́й же, мату́сенько, бики́ да тели́ці,
Да выкупля́й свого́ сы́на зъ сыро́и темни́ці.

Не ла́й мене́, мату́сенько, грôзными слова́ми,
Схамене́шся й обôлье́шся дрôбными слёзами....

Да вяжи́, вра́жа Татарю́го, наза́дъ ру́ки сту́га,
Бу́де на ва́съ, коза́ченьки, вели́ка поту́га (116)!

Ой пôйду́ я въ чи́сте по́ле на Са́воръ-моги́лу;
Ой гля́ну я, подивлю́ся на свою́ Вкрайну!..

(115) Т. е. четвертовали. Чве́ртъ, чве́ртк — четверть. (116) Поту́га — отрада. Ту́га — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружнаго,* столь прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богда́не, Богда́не, Запоро́зській Гетьма́не!
Да чому́-жъ въ чо́рно̂мъ хо́дишъ, да въ чо́рно̂мъ оксами́тѣ? (117)
— Гей, були́-жъ въ ме́не го́сті̂, да го́сті̂ Татаро́ве:
Одну́ но̂чъ ночова́ли: стару́ не́ньку заруба́ли, а миле́ньку собѣ́ взя́ли.
Ге́й, сѣдла́й хло́пче коня́, коня́ вороно́го,
Тата́ръ швы́дко доганя́ти, миле́нькую одбива́ти!
Ге́й, у чисто̂мъ по́лѣ тамъ Тата́ре ночуютъ и вече́рю готу́ютъ (118);
Тата́ринъ по та́бору хо́дитъ, миле́ньку за ру́чку во́дитъ.
Ге́й, одсу́нься, миле́нька, неха́й забью Татаре́нка! —
— „Чи забье́шъ, чи не забье́шъ, то́льки мене́ зъ ума́ зведе́шъ!
Чи влу́чишъ, чи́ не влу́чишъ, то̂льки мѣшка́нья (119) розлу́чишъ.
Ой сѣдла́й, ми́лый, коня́: ты́-жъ не мо̂й, я не твоя́!
Гей, коли́ жива́ бу́ду, то я́ тебе́ не забу́ду!“

(117) Оксами́тъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Готу́ю — готовлю. (119) Мѣшка́нье — сожитіе.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣтилъ Г. Срезневскій по пѣснямъ) есть народное имя Гетьмана, столь извѣстнаго въ Исторіи подъ именемъ *Гана Подковы*. Такія двойныя фамиліи часто бываютъ у Малороссіянъ (изъ 8 й Думы видно, что Полк. Адамовичь назывался *Костыремъ*, Лѣсницкій — *Волочаемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ на Молдавское Господарство, но измѣннически убитъ въ Львовѣ 1578, а похороненъ въ Ка́невѣ товарищемъ и другомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, который постригся 1579 въ монахи Ка́невскаго монастыря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинымъ шля́хомъ* дорога, идущая отъ Ка́нева (какъ по имени Гетьмана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный шляхъ*): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: лежи́тъ *Га́ся*, простягла́ся — я́къ уста́не, не́ба доста́не?

8.

Охъ и си́ла, си́ла, си́ла си́лу подолѣ́ла:
Серпяго́вѣ да у Льво́вѣ сподѣ́лась моги́ла.

Сподѣ́лась моги́ла... я́къ Воло́хамъ любо!
Припина́ли (120) да Серпя́гу до сухо́го ду́бу.

Ой Воло́хи, ой Воло́хи! зъ чого́ жъ его́ зва́ли,
Що козака́мъ Запоро́зьцямъ да изра́ду (121) да́ли?

Да изра́ду да́ли Господарю́ сво́му —
Ой Ге́тьману Серпя́говѣ до́бре було́ й до́ма.

(120) Припина́ти — прикрѣплять. (121) Изра́да, зра́да — измѣна, предательство. Зра́да значитъ и *гибель*.

Поминайте-жъ лихомъ Господаря свого —
Чи вônъ добрый, чи вônъ злюка, ой що вамъ до того!

Хочъ вônъ добрый, хочъ и злюка, абы не падлюка (122).
Припинайте-жъ да Серпягу до сухого сука!

Що Серпяга, то Серпяга — брата Жаха мае,
Да вôдъ брата, да вôдъ Жаха поминъ сподѣвае (123).

Переводъ.

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягѣ во Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господарство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягѣ хорошо было и у себя.

Поминайте-жъ лихомъ своего Господаря . . . добръ ли онъ, золъ ли, что̀ вамъ до того! . . .

Хоть онъ добръ, хоть и золъ — только бъ не подлецъ. Вяжите-жъ Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . . у него есть братъ Жахъ, — и отъ брата, отъ Жаха онъ ждетъ себѣ помина.

(122) Падлюка (падло) — подлецъ, собственно же падаль. (123) Сподѣватися, надѣяться.

9.

Ой зъ го́рода изъ Пôлтáвы (*) выѣзжáли козáки.
Усѣ́хъ було́ три тáборы, да всѣ́ три однáки.

У пе́ршому у тáборѣ усѣ́ лестровы́и,
У дру́гому у тáборѣ усѣ́ хорунжі́и,
У тре́тёму у тáборѣ усѣ́ курêнны́и.

Ой ѣ́хали-жъ воны́ три днû й три ночû въ Поку́тьѣ;
Ой на тре́тю да ура́ньцѣ (123) тре́ба въ Ме́рджѣ бу́ти.

А въ го́родѣ да у Льво́вѣ зашумѣ́ли ве́рбы:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть — Серпя́га то
ме́ртвый.

Ой въ го́родѣ да у Льво́вѣ задзвони́ли дзво́ны:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́ть, пра́влять по-
хоро́ны.

А въ го́родѣ у Ка́невѣ, да й заголоси́ли,
Що Серпя́гу у моги́лу ти́хо положи́ли.

Ой Серпя́гу положи́ли, да и захова́ли;
Да поми́нъ по Украи́нѣ, поми́нъ вôдправля́ли.

(123) Ура́нцѣ, вра́нцѣ — поутру; ра́нокъ — утро.
(*) Прежняя Полтава находилась на р. Голтвѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, 1589. Пѣсню сію я отношу къ нему, и не знаю кому бы она шла болѣе.

10.

Ге́й, зъ у́стнû (124) Днѣпра́, да до верши́ны
Сêмсо́тъ рѣчо́къ и чоты́рû,
Да усѣ́ воны́ да у Днѣпръ впа́ли,
У Днѣпръ пра́вный несказа́нный! —
Да повѣ́йте, вѣ́тры низовы́и,
Ой на па́русы безодны́и (125)!
Ой сиди́ть коза́къ да на де́менѣ (126),
И вôнъ де́меномъ поверта́е,
И на Чо́рне Мо́ре погляда́е:
Ой плыве́ судно́, одни́мъ-одно́,
Въ ёму́ Ту́рчинъ сиди́ть зъ Турке́нею,
А Турке́ня сиди́ть, вона́ не гуля́е,
Шовко́венькій рушничо́къ (127) вышива́е.
Ой кому́ сей рушни́къ бу́де —
Ой чи Ту́рчину, чи Тата́рину,
Ой чи козако́вû молодо́му?
— Ой се бу́де Кошово́му молодо́му.

---

(124) Устнія — устье. (125) Безо́дный — бездонный. (126) Де́менъ — корма. (127) Рушни́къ — полотенцо.

ОТРЫВОКЪ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому, бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венчеславъ на коню гуляти,
А повѣсивъ черезъ плечи да сайдакъ * багатый.
Грай море, Чорне Море!
Гала, гиды, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

Былевыя пѣсни о временахъ козачества отъ возстанія противъ уніи до смерти Богдана.

Въ той ча́съ була́ че́сть , сла́ва ,
Во̂йско́вая спра́ва :
Сама́ себе́ на смѣхъ не дава́ла ;
Непрія́теля по̂дъ но́ги топта́ла.

Дума VIII.

Замѣчаніе II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали тѣ притѣсненія, которыя Украинѣ стала наносить Польша, частію по своему урону отъ усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирательнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего втораго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христофоръ Косинскій*, вызвавшись быть Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избранъ въ Гетьманы *Павелъ Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученическою смертію въ мѣдномъ быкѣ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за тѣмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ сталъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, затихли на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силѣ сего замѣчательнаго человѣка, столько по смутному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трясило* въ 1629 году провелъ съ ними подъ Переясловомъ кровавую *ночь*, извѣстную подъ именемъ *Тарасовой*. И съ этой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ обращается въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную (*). *Сулима*, *Павлюкъ*, *Остраница*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зиновѣй Хмельницкій*, освободившій Украину и отъ народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ того онъ въ 1654 году поддался Царю Московскому, присягнулъ ему на вѣрность въ Переясловѣ 8 Января, вмѣстѣ съ нимъ воевалъ еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Чит. Бант. Кам. И. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Относится къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ ды́момъ потягну́ло.
Якъ те во̂йсько Запоро̂зське зъ гарма́тъ да ревну́ло.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ да ста́лося пу́сто,
Якъ повѣяли коза́ки зъ самопа́ло̂въ гу́сто.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ орлы́ да гадю́ки (128) —
Ля́цькимъ тѣломъ году́ються, Ля́цьку тѣлу раду́ются.

Ой у го́родѣ Могиле́вѣ, що пні̂ да коло́ды...
Прилучи́лося, бачъ, ли́хо Ля́цько̂й поро́дѣ.

Не таке́е ище́-бъ ли́хо, якъ та́я позо́ра,
Що хо́дитъ по бѣлу свѣту зъ двора́ да до дво́ра.

Не такъ та́я позо́ра, якъ козака́мъ пора́да...
Що, Кравчи́ну (129) шану́ючи, Ляха́мъ дала́сь зра́да.

Дала́сь Ляха́мъ зра́да изъ са́мого ра́на,
Одъ Ге́тьмана Наливайка, шано́вного Па́на.

Переводъ.

Въ городѣ Могилевѣ потянуло дымомъ, какъ Запорожское войско грянуло изъ пушекъ.

(128) Гадюка — змѣя. (129) Кравчина — Запорожское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ стало пусто, какъ козаки изъ ружей повѣяли густо.

Въ городѣ Могилевѣ — орлы да змѣи: Ляшскимъ тѣломъ питаются, Ляшскимъ тѣломъ потѣшаются.

Въ городѣ Могилевѣ — пни да колоды..., приключилося, вишь, лихо Ляшской породѣ!

Не такъ-то еще лихо, какъ тотъ позоръ, что ходитъ по бѣлу свѣту отъ двора во дворъ.

Не такъ еще и позоръ, какъ та отрада козакамъ, что гибель, минуя Запорожское войско, постигла Ляховъ.

Постигла Ляховъ гибель съ самаго заранья, отъ Гетьмана Наливайка, досточтимаго пана!

12.

О смерти Наливайка, который попался въ плѣнъ Жолкевскому при Лубнахъ. Кто такой былъ Игнатъ *Голый*, столь прославляемый въ пѣсняхъ, по Исторіи не видно.

Сла́вна ста́ла та́ Кравчи́на якъ на По́льщу ста́ла,
Вовкула́камъ, Кате́ли́камъ (130) мстю́чи зра́ду да́ла.

Ту́ю зра́ду, ту́ю зра́ду, що въ мурѣ́, въ темни́цѣ
Зъ Наливайка позыча́ла (131) якъ зъ бѣ́дной вдови́цѣ.

Вдо́винъ сы́ну, вдо́винъ сы́ну! е́ще въ те́бе бра́тья,
А въ бра́тôвъ твои́хъ коза́кôвъ бага́цько завзя́тья (132)! —

(130) Вовкулака — упырь, оборотень. Слово Кате́ли́къ у Козаковъ было самое поносное. (131) Позыча́ти — брать взаймы. (132) Бага́то — много; бага́цько — множество. Завзя́тье — отвага, удальство.

Зходилися всѣ козаки, Раду положили,
Да на Радѣ на Поляковъ походъ присудили.

Розходилися козаки изъ своеи Рады,
Выбирали зъ-подъ каменьевъ великіи клады.

Клады продавали, самопалы куповали;
Куповали самопалы, въ походъ выступали.

А попереду всѣхъ Голый — соколомъ лѣтае;
На конику вороному жахомъ выгравае (133).

Привертали козаченьки по-рану до Случи,
Да зъ гарматы густовали Катeликовъ звучи.

А Ляхи й почули, увъ отвѣтъ ревнули —
Бо-дай-же (134) ймъ тяжко й важко, що воны ревнули.

Що воны ревнули, бѣду провѣщали;
А козаки Гайдамаки думали й гадали.

Думали й гадали, думали й гадали;
Тяжко, важко за Гетьманомъ своимъ сумовали.

А въ Варшавѣ да на Радѣ да судьи судили;
Да зпалити Наливайка въ волу — присудили.

Присудили Наливайка да Ляхи спалити,
Присудили козаченьки Ляхамъ вôдомстити! —

(133) Носится, какъ страхъ. (134) Бог-дай или бо-дай — пусть, да будетъ (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593), сжегъ Цецору и разграбилъ Яссы (1594); — потомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ коимъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ представленъ Лободинскій чура, напоминающій о подвигахъ своего пана и объ отмщеніи за него взывающій къ козакамъ, сбиравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошоваго *Сулимы* (который въ 1635 г. четвертованъ въ Варшавѣ). Про Гетьманство Потоцкаго и двукратное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ городѣ въ Батуринѣ дзвоны задзвонили:
То козаки Гайдамаки у Радѣ радили.

Ой у Радѣ да радили, якъ на Польщу стати,
Да на Радѣ присудили Вкрайну ѐднати.

Отъ и выйшли Гайдамаки, хочъ тысяча й двѣстѝ,
Да багацько да за ними зведется корыстѝ!

А попереду панъ Сулима Отаманъ Кошовый —
Чого-жъ жаху завдавати, що вонъ чорнобровый?

Панъ Сулима, панъ Сулима козаковъ збирае,
Да и усѣмъ тѣмъ Гайдамакамъ вонъ такъ промовляе:

„Товариши Гайдамаки, чинѣть мою волю!
„Що намъ треба вѡдплатити Вкраинську недолю.

„Хочъ насъ, паны Гайдамаки, и тысяча й двѣстѝ;
„Да багацько да за нами зведется корыстѝ!

„Ой багацько да корысти̂ зведется за нами,
„Коли зхочете побиться бучно (135) изъ Ляхами.“—

Якъ на тее обо̂звався Лободо̂вській чура;
До козако̂въ уклоняе, отъ-такъ промовляе:

— Ой панове Гайдамаки, добре себе майте —
Що за мого пана Йвана Ляхамъ во̂домщайте!

Ой мо̂й пане, пане Йване, де-сь то ты зобгався,
Що на Ляхо̂въ ставъ заверше (136), да й не сподѣвався!

Ой мо̂й пане, пане Йване, Наливайко̂въ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ, задавъ — да й байдуже (137)! . . .

Ой мо̂й пане, пане Йване, де-сь то ты сподѣвся,
Що у мурѣ, у темницѣ Ляхамъ знадобився!

Ой панове Гайдамаки, пана Йвана зпомянѣте,
Да за мого пана Йвана Ляхамъ во̂домстѣте!

Коли хочете Вкрайну до себе єднати,
То вамъ треба пана Йвана добромъ поминати.

Якъ Вкрайну тіи Ляхи до себе єднали;
Тоди̂ наши зъ паномъ Йваномъ въ походъ выступали.

Якъ Вкрайну тіи Ляхи до себе єднали,
Тоди̂ наши зъ паномъ Йваномъ Ляхо̂въ воювали.

(135) Бучно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Байдуже, сíлькíсь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхо̂въ воювали, якъ по Бугу спали;
Да Гетьмана Потоцького дво̂чи̂ заганяли.

Ой и Ляхо̂въ воювали, якъ по Пругу спали;
Того було що й Цоцору добре плю̂ндровали.

Добре було, добре було, да сталася зрада.
Що забито пана Йвана у недѣлю зрана. . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМЪ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, который предался Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Голымъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старинѣ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Нечаѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетеряхъ*, сынѣ и отцѣ, предавшихся Полякамъ подъ Каневомъ предъ битвою Чигиринскою (1596); Тетеренко пойманъ подъ Варшавою козакомъ *Случаемъ*.

14.

Ой бувъ въ Сѣчѣ старый козакъ прозваніемъ Чалый;
Выгодовавъ сына Саву козакамъ на славу.

Ой не зхотѣвъ да панъ Сава козакамъ служити:
Во̂нъ по̂йшовъ-же до Ляшенько̂въ славы залучити.

Ой во̂нъ по̂йшовъ до Ляшенько̂въ службы во̂дправляти,
Изъ Ляхами Православну Церковъ руйновати.

Збиралися Запорозци̂, всѣ въ Раду зхожали;
За походы туды-сюды про-мѣжъ себе раховали.

Усѣ прійшли́, усѣ прійшли́, одного́ немáе;
Ой чо́мъ тебе́, бáтьку Чáлый, у Рáдѣ немáе? —

„Чого́-жъ менѣ, да пано́ве, у Рáду ходи́ти?
Що хо́чете мого́ Сáву навѣки згуби́ти.

Хочъ стáвъ собѣ во̂нъ до Ляхо̂въ . . . да вже́-жъ,
сы́нку ми́лый,
Чому́ ты стáвъ, чому́ до нáсъ такíй стáвъ спѣ-
си́вый?“

— Ой спѣси́вый, не спѣси́вый — паны́ кажу́ть —
Сáва . . .
Да недо́бра, зури̂вочна стáла ёго́ слáва.

Що не то̂льки да панъ Сáва Це́рковъ да руйну́е:
Изъ бѣсáми стáвъ за-прáво, й бáрзо знахорю́е. —

Обо̂звáвся на те́ Голый, кáже: до́бре знáю,
Ой я́ того́ пáна Сáву у ру́ки по̂ймáю!

Отъ и стáли да пано́ве Рáду розсучáли;
Своихъ ко́ней посѣдлáли, въ похо́дъ выступáли.

Ой бувъ Сáва, да ѣвъ сáло да все́ паляни́цѣ̂;
Не кохáвъ Сáва молоды́хъ дѣвчáтъ, да все́ молоди́цѣ̂.

Не кохáвъ Сáва да козáко̂въ, да все́ Капели́ки, —
Загуби́въ Сáва, пропесáвъ Сáва свою вѣру навѣки.

Ой бувъ Сáва въ Неми́ровѣ въ Ляхо̂въ на обѣ́дѣ;
И не знáе, не вѣ́дае о своéй бѣдѣ.

Ой пье Сáва и гуля́е, Ля́хомъ вырубáе.
А до ёго що до Сáвы гоне́ць прïѣзжáе.

— А що ты тутъ, малый хлопку! чи все гараздъ дома? —
— „Протоптана, пане, стежка до вашого двора.

Да все гараздъ, да все гараздъ, усе хорошенько:
Выглядають Гайдамаки зъ-за горы частенько!“

— Отъ-то лихо, выглядають! яжъ ихъ не боюся!
Хибажъ нема въ мене войська? я не забарюся.

Сѣдлай, хлопку, сѣдлай, малый, коня вороного;
Поѣдемо мы до-дому хоча насъ немного. —

Ѣде Сава зъ Немирова на вороно̂мъ коню...
А пріѣхавши, гадае да про свою долю.

— Ой ты-жъ, доле — каже Сава — щербатая доле! —
Питается челядоньки: чи все гараздъ дома? —

„Гараздъ, гараздъ, пане Саво! ще лучче зъ тобою,
Якъ тебе мы побачили на вороно̂мъ коню.“ —

Ой сѣвъ Сава въ ко̂нцѣ стола, да листоньки пише;
А Савиха на лёжоньку дитину колыше. —

Сидитъ Сава, листы пише, Сава думку дбае;
Отъ вже Сава, да панъ Сава, гадку замышляе:

— По̂ди, дѣвко, у пивницю уточи горѣлки,
Ой нехай-же я напьюся за здоровье жо̂нки.

По̂йди, дѣвко, у пивницю да принеси пива,
Ой нехай-же я напьюся да за свого сына.

По̂ди, дѣвко, у пивницю внеси менѣ меду:
Чого-сь менѣ трудно, нудно — головки не зведу. —

Сидить Са́ва въ ко̂нцѣ́ стола́, все листы читае;
А Сави́ха молода́я все ду́ма й гада́е.

Сиди́ть Са́ва въ ко̂нцѣ́ стола́, хло́пця вызыва́е,
А Сави́ха молода́я пла́че да рыда́е.

Ой не вспѣ́ла челя́донька зъ стѣны́ ключѝ зня́ти,
Ставъ Йгна́тъ Го́лый зъ Кравчи́ною воро́та ла-
ма́ти.

Якъ во̂дсу́не да панъ Са́ва во̂ко́нце одъ ры́нку;
А вже тíи, Гайдама́ки блука́ютъ по сѣ́нку.

То̂льки-жъ та́я челя́донька на поро̂гъ ступа́е,
Ажъ Мики́тка па́ну Са́вѣ чоло́мъ оддава́е.

— „Здоро́въ, здоро́въ, па́не Са́во, я́къ ся собѣ́ ма́ешъ?
До́брыхъ госте́й собѣ́ ма́ешъ: чѣ́мъ ихъ привѣта́ешъ?

Ой чи ме́домъ, ой чи пи́вомъ, ой чи горѣ́лкою?
Попроща́йся зъ свои́мъ сы́номъ и зъ своее́ю жо̂нкою!“

— „Ой да́въ-бы вамъ ме́ду й пи́ва не хо́чете пи́ти;
Ой вы́ жъ мене́ молодо́го хо́чете згуби́ти. —

Ой чѣ́мъ менѣ́ васъ, пано́ве, чѣ́мъ васъ привѣта́ти?
Дарова́въ, менѣ́ Госпо́дь сы́на, бу́ду въ ку́мы бра́ти. —

— „Ой не того́ прíйшли́ до тебе, да що́-бъ кумова́ти,
А мы́ зъ того́ прíйшли́ до тебе, да що́-бъ розчита́ти!

Ой веди́-жъ насъ, па́не Са́во, у нову́ комо́ру,
Да оддава́й, па́не Са́во, коза́цькую збро́ю.

А де́-жъ твои́, па́не Са́во, су́кнѝ, едама́шки,
Що ты́ нажи́въ, вра́жíй сы́ну, зъ коза́цькои ла́ски?—

Да́ не того́ прі́йшли́ до тебе, да що́-бъ кумова́ти;
А мы́ зъ того́ прійшли́ до тебе, що́-бъ голо́вку зня́ти.

Ой було́-бъ тобѣ́, па́не Са́во, га́рдъ не руйнова́ти,
Коли́ хотѣвъ Запоро́зьцêвъ въ ку́мы собѣ́ бра́ти." —

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва до я́сного меча́ . . .
Его́ взяли́ на три́ спи́сы изъ пра́вого плеча́.

Ой ки́нется да па́нъ Са́ва да я́снои збро́и . .
Его́ взяли́ да пôдняли́ на три́ спи́сы къ горѣ́.

— „Отсе́-жъ тобѣ́, па́не Са́во, су́кнѝ, едама́шки, (138)
Що ты нажи́въ, вра́жій сыну, зъ коза́цькои ла́ски!"

Ой не вспѣ́въ-же да панъ Са́ва на ко́ника впа́сти:
У кайда́ны закова́ли, ста́ли на́ вôзъ кла́сти.

— Ой, Пано́ве Запоро́зцѝ, хиба́-жъ то ва́мъ сла́ва,
Що въ кайда́ны да заби́тый лежи́ть у ва́съ Са́ва?

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю зъ кайданôвъ пусти́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбôльшую отъ-симъ залучи́ли.

Якъ-бы́ его́ вы на во́лю мêжъ се́бе приня́ли,
Сла́ву-бъ собѣ́ найбôльшую отъ-симъ дарова́ли. —

А Сави́ха молода́я вôкно́мъ утêка́ла,
На молоду́ челя́доньку спи́льна погляда́ла.

— Хапа́й, хапа́й, челя́донько, малу́ю дити́ну:
Бу́дешъ жи́ти, панова́ти, коли́ я не згину! —

Не бои́ться коза́ченько ни гро́му, ни тучѝ:
Хороше́нько въ ко́бзу гра́е, до Са́вихи йду́чи.

(138) Су́кня — платье. Едама́шка — Дамасская матерія.

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асаулъ, захваченный въ битвѣ близь Старицы, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ Гетьманомъ *Степаномъ Остраницею* и другими. (*)

15.

Орлику, сизы́й о́рлику, молоды́й Чура́ю!
Ой заби́ли-жъ тебе́ Ляхи́ да у своемъ кра́ю.

Ой заби́ли тебе́ Ляхи́ изъ твои́мъ Гетьма́номъ,
Изъ твои́мъ Гетьма́номъ, що Па́номъ Степа́номъ.

Орлику, сизы́й о́рлику! орлôвъ братôвъ ма́ешъ,
Що стары́и й молоды́и — са́мъ ӥхъ до́бре зна́ешъ—

Що стары́и й молоды́и — всѣ́ въ тебе́ вдали́ся,
Вôдомсти́ти да за тебе усѣ́ покляли́ся.

Що стары́и й молоды́и усѣ́ голѐнны́и (139);
А въ ӥхъ конӥ вороны́и, швидкі́и й быстры́и;

Ой швыдкі́и и быстры́и, якъ орлы́ лѣта́ютъ,
На Ляшськіи городы́, хма́рой набѣга́ютъ.

А въ ӥхъ списы була́тныи въ до́вгими кôныця́ми
Усѣ́ гострӥ якъ голочки́, зъ до́вгими клюга́ми (140).

А въ ӥхъ шаблӥ була́тныи, на обы́два бо́ки,
Вра́жимъ Ляха́мъ зра́ду сыплютъ по всѣ вѣчнӥ ро́ки!

(*) Пѣсня сія, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заимствованы изъ *Зап. Старины*.

(139) Голѐнный — удалый (быстрый). (140) Клюга — упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5 Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ Водахъ (въ Екатер. Губ.).

16.

Чи не той то хмѣль, що коло тычинъ вьется?
Гей той то Хмельницькій, що зъ Ляхами бьется.

Гей поѣхавъ Хмельницькій икъ Жовтому Броду,
Гей не одинъ Ляхъ лежитъ головою въ воду.

Не пій, Хмельницькій, дуже той Жовтои воды:
Иде Ляховъ сорокъ тысячъ хорошои вроды.

„А я Ляховъ не боюся и гадки не маю,
За собою великую потугу я знаю,

Ище й Орду за собою веду:
А все, вражіи Ляхи, на вашу бѣду.“ —

Утекали Ляхи, погубили шубы. . .
Гей не одинъ Ляхъ лежитъ, выщеривши зубы!

Становили Ляхи дубовыи хаты,
Прійдется Ляшенькамъ въ Польщу утекати!

Утекали Ляховъ де-якіи повки,
Ѣли Ляховъ собаки и сѣрыи вовки.

Гей тамъ поле, а на полѣ цвѣты:
Не по одномъ Ляху заплакали дѣты.

Гей тамъ рѣчка, черезъ рѣчку глиця:
Не по одномъ Ляху зосталась вдовиця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Нечай Полковникъ Бряцлавскій былъ женатъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убитъ подъ Краснымъ: по свидѣтельству Пасторія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ моихъ поставлено *Канёвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; я-же поставилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаево войско, напавъ на него во время масляницы.

17.

Ой зъ тéмного лѣсу, лѣсу, изъ Чóрного гáю,
Ой крикнули козáченьки: утѣкáй, Нечáю!

„Якъ я мáю козáкъ Нечáй зъ-вôдсѣль утѣ̂кáти,
Слáву свою козáцькую пôдъ нóги топтáти?

Ой é въ мене Шпáкъ, Шпáкъ — отъ-тóй дóбрый хлóпець! —
Ой тóй менѣ дае знáти коли утѣ̂кáти!"

— А я тебé, мôй Нечáю, не убезпѣ̂чáю:
Держи коня, держи въ сѣдлѣ для свогó звычáю!

Ой я тебé, мôй Нечáю, не убезпѣ̂чáю:
Держи свою шабéлечку да пôдъ опанчóю! —

„Сѣдлáй, сѣдлáй, малый хлóпче, коня воронóго,
А побѣжи въ чисте пóле, чи йде Ляшкôвъ мнóго?"

Вертáется малый хлóпець ажъ изъ Полоннóго (*):
— А йде Ляшкôвъ сóрокъ тысячъ, тóльки безъ однóго! —

(*) *Полонное* мѣстечко при р. Хамарѣ, 98 верстъ отъ Житоміра.

Козáкъ Нечáй, козáкъ Нечáй на тé не вповáе,
Да зъ кумóю зъ Хмельни́цькою мéдъ-винó кругляе!...
Бо постáвивъ козáкъ Нечáй при сторóжѣ въ мѣстѣ,
А сáмъ пôшóвъ до кýмоньки щýку-рыбу ѣсти.
Ой погляне козáкъ Нечáй за Тихіи вóды:
Идé Ляхôвъ сорокъ тысячь хорóшои врóды!
Подивився козáкъ Нечáй у нóву кватырку:
Хóдить Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ якъ курéй по
рынку.
Ой якъ крикне козáкъ Нечáй на хлóпця малóго:
„Сѣдлáй, хлóпче, сѣдлáй, малый, конá вороного!
Сѣдлáй менѣ вороного, собѣ буланóго —
Гéть вырѣжемъ врáжихъ Ляхôвъ, гéть що до ôднóго!"

Ой якъ стисне козáкъ Нечáй конá острогáми, (141)
За нимъ Ляхôвъ сорокъ тысячъ зъ гóлыми шаблями,
Ой якъ вôзьме козáкъ Нечáй одъ бáшты до бáшты:
И ставъ Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ якъ снóпики
класти.
Повернувся козáкъ Нечáй вôдъ брямы до брямы:
А постáвивъ врáжихъ Ляшкôвъ у чотырѝ лáвы.
Повернувся козáкъ Нечáй на прáвее плéче:
А вжé зъ Ляшкôвъ врáжихъ сынôвъ кровъ рѣчкáми
тéче.
Повернувся козáкъ Нечáй на лѣвую руку:
Не выскочить Нечáевъ кôнь изъ Ляцького трупу!...
А споткнувся Нечáевъ кôнь на малу тычину;
Пôймавъ ёго Калинóвській зъ коня за чуприну.

(141) Острогá — шпоры.

Чи не той-то хмѣль, хмѣль, що высоко вьется?
Чи не той-то козакъ Нечай, що зъ Ляшками бьется?

Чи не той-то хмѣль, хмѣль, а що въ пивѣ грае?
Чи не той-то козакъ Нечай, що Ляшковъ рубае?

Чи не той-то хмѣль, хмѣль, що у пивѣ кисне,
Чи не той-то козакъ Нечай, що Ляшеньковъ тисне?

Не знаете, вражѣ Ляшки, чѣмъ хлопця убити:
Срѣбнымъ гуцькомъ, срѣбнымъ гуцькомъ ручницю набити!

Не за довгій, довгій часъ, за малу годинку,
Качается Нечаёва головка по рынку.

Ой не дбали вражѣ Ляхи на козацьку вроду,
Рвали тѣло по кусочку, пускали на воду.

18.

Ой зъ пôдъ гаю, гаю, зъ пôдъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: утѣкай Нечаю!

„Ой не бойтеся, не бойтесь, Паны Отаманы;
Я поставивъ сторожоньку усѣми шляхами.“

— Ой я тебѣ, мôй Нечаю, не убезпѣчаю:
Держи свого кониченька въ своемъ обычаю! —

„А я козакъ молоденькій Ляховъ не боюся,
Маю-жъ бо я козаченьковъ, да й обороньюся!“

Одъ Красного Броду, одъ Чорнои Воды
Иде Ляшковъ сорокъ тысячъ хорошои вроды.

Ой не вспѣвъ-же́ Неча́енько на ко́ника сѣ́сти:
Огля́неться наза́дъ себе́, а вже́ Ляхи́ въ мѣ́стѣ.

Ой порва́вся коза́къ Неча́й до туго́го лу́ка,
Обе́рнеться наза́дъ себе́ — а вже́ по́вно тру́па.

Стрепене́тся коза́къ Неча́й объ по́лы рука́ми:
Сюды́ гля́не, туды́ гля́не — тече́ кро́въ рѣка́ми.

Уда́рится коза́къ Неча́й объ по́лы руко́ю:
„Ой прі́йдется розлучи́ться изъ дѣтьми́ й] жоно́ю!“

— Ой де́-жъ твои́, Неча́еньку, вороныи коні̂? —
„У Ге́тьмана у По́льного стоя́ть на припо́нѣ.“

— Ой де́-жъ твои́, Неча́еньку, кова́ныи во́зы? —
„Пôдъ мѣстечкомъ Бере́стечкомъ зато́чені̂ въ ло́зы!“

— Ой де-жъ твои́, Неча́еньку, сукні̂, блавата́сы?
„Гей посѣ́кли, поруба́ли Ляхи́, въ шабельта́сы!“

— Ой де́жъ твои́, Неча́еньку, дѣ́тоньки да жо́на?
„Ой въ мѣсте́чку Бересте́чку сидя́ть собѣ́ до́ма.

Ой кото́рый коза́ченько буде зъ ва́съ у мѣ́стѣ —
Поклони́ся моеи́ жôньцѣ́ й несчастнôй невѣ́стцѣ.

Неха́й вона́, неха́й бере́ се̂рбла - злота до́-сыть:
Неха́й мене́ выкупля́е и оста́нку про́сить!“

Не хотѣ́ли вражі̂ Ляхи́ се̂рбла - злота бра́ти,
А воли́ли Неча́енька въ дрôбный ма́къ сѣка́ти.

— Гей вы козаче́ньки, чи не були́ въ мѣ́стѣ?
Поклонѣ́тесь мату́сенцѣ й несчастнôй невѣ́стцѣ!

Неха́й вона́, неха́й пла́че, а вже́ не выпла́че,
Ой надъ сыномъ, надъ Неча́ёмъ чо́рный во́ронъ кря́че.

Ой за малу́ хвильку, за малу́ годи́нку,
Ой скака́ла Неча́ёва головка по рынку. . .

ОТРЫВКИ.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСѢ.

Имя *Перебійноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебійносъ, къ которому относится сей отрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривоносъ*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, которой, къ сожалѣнію, я у себя теперь не имѣю.

Ой луга́ми да берега́ми да зеле́ныи вѣ́ты (141'):
Да засѣда́ють Ляхи́, да засѣда́ють паны́, Перебійно̂са вби́ти.
А Перебійно̂съ того́ й не гада́е,
Да ме́дъ вино́ попива́е.
Ой одсу́нувъ па́нъ Перебійно̂съ поку́тьню ква- тырку —
Ажъ гуля́ють Ляхи́, ажъ гуля́ють паны́, да по ёго́ ры́нку.

20.

Доко̂ль ходи́ли по Укра́инѣ козаки́ зъ рога́ми,
Стоя́ли степы́, поля́ обло̂га́ми;
Якъ явилися на Укра́инѣ попы́ въ ладо̂вни́цяхъ:
Спа́ли у мужико̂въ пироги́ на полицяхъ.

(141') Вѣ́та — вѣтвь.

21.

Да не бу́де лу́чче, да не бу́де кра́сче якъ у на́съ на Вкраи́нѣ:
Да нема́е Жи́да, да нема́е Ля́ха, нема́е Уні́и.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Хо́дятъ слу́ги по поко́ю, вздыха́ютъ до не́ба:
Нема́ па́на Гетьма́на — розо̂йти́ся тре́ба.

23.

Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Коза́къ по́лемъ проѣзжа́е;

Ой вы́ѣхавъ кра̂й моги́лы
Кра̂й моги́лы Верхови́ны.

„Ты, моги́ло Верхови́но,
Чому́ ра́но не горѣ́ла?“

— Ой я ра́но не горѣ́ла,
Бо кро̂вцёю обкипѣ́ла. —

„Ой яко́ю?“ — Коза́цькою,
Полови́ну и зъ Ля́цькою. —

24.

У Гайси́нѣ вѣ́теръ вѣ́е, а въ Ума́нѣ ти́хо,
Въ Браи́ловѣ добра́ нема́, а въ Тульчи́нѣ ли́хо.

25.

Бере́зо, чому́ ты не зеле́на? —
Ой я́къ менѣ́ зеле́ною бу́ти:
По̂до мно́ю Тата́ры стоя́ли,
Копы́тами зе́млю грасова́ли,
Шабля́ми го̂лья позтына́ли. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

Былевыя пѣсни о временахъ послѣ Богдана до конца Гетьманщины (1764).

Такъ вѣчной памяти бувало,
У насъ въ Гетьманщинѣ колись.

Котляревскій.

Замѣчаніе III.

Измѣны *Виговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери* производили сильныя смятенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по истеченія коего (1667, Янв. 13) Заднѣпровская Украина отошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предпріимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣлъ-было *обосторонною* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное тридцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазепы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою Полтавскою Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ теченіе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету Кіев. Синопс. 1823): 28й Иванъ Ильичь *Скоропадскій* съ 1708 по 1722; — 29й Павелъ Леонтьевичь *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывшій Гетьманомъ Наказнымъ; — 30й Данило Павловичь *Апостолъ*, съ 1727 по 1734; — 31й Графъ Кириллъ Григорьевичь *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ Батуринѣ, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

О ГРИЦЬКѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гетьманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Ярополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалѣя*. Забубённаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гетьманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женцѝ жнуть, —2
А по-пôдъ горóю,
По-пôдъ зеленóю
Козакѝ йдýть. —2

А попéреду Дорошéнько — —2
Ведé своé вôйсько,
~~Ведé~~ Вiйско Запорôзське
Хорошéнько. —2

По серединѣ ~~Панъ Хорýнжiй~~ Сине-Дужий — —2
Пôдъ нѝмъ коничéнько,
Пôдъ нѝмъ воронéнькiй.
~~Сильне~~ Гарний — дýжiй. —2

А позáду Сагайдáчный,
Що промѣнявъ жôнку
На тютюнъ да люльку (142)
Необáчный.

(142) Тютюнъ — табакъ. Люлька — трубка.

— Гей вернися, Сагайдачный! —2
Во̂зьми свою жо̂нку,
Оддай мою люльку,
Необачный! —2

„Менѣ зъ жо̂нкою не возиться; —2
„А тютюнъ да люлька
„Козаку въ дорозѣ
„Знадобиться! —2

„Гей! хто въ лѣсѣ? озовися! —2
„Да выкрешемъ огню,
„Да потягнемъ люльки —
„Не журися! . . . .“ —2

О КОЗАКѢ БАИДѢ.

27.

Полубаснословная пѣсня сія (изъ собр. *Ходак.*), кажется, относится къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь Турецкій — Магометъ IV.

А въ мѣстечку славно̂мъ Берестечку
Ой пье Байда медъ да горѣлечку;
Ой пье Байда да не день, не два,
Да не одну но̂чку дай не годино̂чку.
Царь Турецькій къ ёму присилае,
Байду къ собѣ по̂дмовляе:
— Ой ты, Байда, да славнесенькій!
Будь менѣ лыцарь да вѣрнесенькій,
Во̂зьми въ мене Царе̂вночку,
Будь паномъ на всю Украйночку. —
„Твоя, Царю, вѣра проклятая,
Твоя, Царю, дочка поганая!“

Ой крикнувъ Царь на гайдуки :
— Во̂зьмѣть Байду добре въ руки ,
Во̂зьмѣть Байду извяжѣте ,
На гакъ (142′) ребромъ зачепѣте. —

Ой висить Байда да й не день , не два,
Да не одну нôчку , да й не годиночку.
Ой висить Байда , да й гадае ,
Да на свого хлопця споглядае,
Да на свого хлопця молодого ,
И на свого коня вороного.
„Ой ты, хлопче молодесенькій !
Подай менѣ лучокъ да тугесенькій ,
Подай менѣ лучокъ
И стрѣлочокъ пучокъ :
Ой бачу я три голубочки ,
Хочу я убити для его дочки.
Нехай же я убью Царю
Та на славную вечерю !“
Якъ стрѣливъ — Царя уцѣливъ ,
А Царицю у потылицю , (143)
А его дочку въ головочку.
„Оть-то тобѣ, Царю, да за твою кару :
Було тобѣ знати , якъ Байду карати.
Було Байдѣ голову изняти ,
Его тѣло поховати ,
Вороным конемъ ѣздити ,
Хлопця собѣ зголубити.“

(142′) Крюкъ. (143) Затылокъ.

28.

Пѣсня сія сложена вѣроятно около 1687 г.

Зажурилась Украина, що нѣгдѣ ся-дѣти:
Выгоптала Орда конъми усѣ малії дѣти.

Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А середнїи забрала, у полонъ погнала.

Ой служивъ я тому Пану, Пану бусурману;
А теперъ служити стану Восточному Царю!

Ходить Ляшокъ по рыночку, шабельку выймае:
Козакъ его не боится, шапки не знимае!

Ось Ляшокъ до шабельки, а Козакъ до дрюка:
Теперъ тобѣ, вражій сыну, зъ душою розлука.

ЧАЙКА.

29.

Въ лѣтописи Кониского пѣсня сія приписывается *Мазепѣ;* по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Атаманомъ.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ небозѣ (143'),
Що вывела дѣтки при битой дорозѣ.

Киги! Киги! злетѣвши въ гору —
Тольки втопиться въ Чорному Морю!

(143') Чайкѣ бѣдняжкѣ.

Жито поспѣло, приспѣло дѣло;
Йдуть женцѣ жати, дѣтокъ забирати.
Киги! киги! . . .

Ой дѣти, дѣти! де васъ, подѣти?
Чи менѣ втопиться, чи зъ горя убиться?
Киги! киги! . . .

И куликъ чайку взявъ за чубайку!
Чайка кигиче: згинь ты, куличе!
Киги! киги! . . .

А бугай (144) *бугу*! гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко, бо буде тяжко!
Киги! киги! . . .

— Якъ не кричати, якъ не лѣтати:
Дѣтки маленькѣ — а я ѣхъ мати!
Киги! киги! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДѢЕНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣенкѣ относится къ той осадѣ Полтавы, на которую вызвался Кошевой *Гордѣенко* въ 1709 г. — Съ Мая онъ производилъ ее въ теченіе 1½ мѣсяца, но исполнилъ не удачно, предваривъ тѣмъ Полтавскую битву 27 Іюля. — Въ это время разорена была *Сѣчь*.

Запорозцѣ небожата (144')! пшеницю не жата:
Ой пойдѣте, оглядѣте, пшеницю зажнѣте.
Ой хочъ пойдемъ оглядати — не будемо жати!
Хвалилися Запорозцѣ Полтавы достати.

(144) Бугай — быкъ, здѣсь значитъ быкъ-птица, выпь.
(144') Голубчики.

Ще Полта́вы не доста́ли, а вже Шве́дъ издався;
На бе́дную голо́воньку Кошо́вый зостався.

Ой уме́рла въ Кошово́го старе́нькая мати,
Ой не́кому Кошово́му пора́доньки дати.

Восто́чный Ца́рь на Вкрайне́ не до̂йма́е ве́ры —
Посыла́е Голи́цына, щобъ не було́ зме́ны.

„Ой иди́-жъ ты, Голи́цыну, иди́-жъ ты горо́ю,
А я по̂йду́ зъ Москаля́ми усле́дъ за тобо́ю.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сія, какъ видно, сложена около 1710 года, вскорѣ послѣ того, какъ окончились вѣроломные замыслы Мазепы, и признана невинность погибшихъ отъ него Кочубея и Искры. Говорятъ, что къ нимъ относится пословица: *Знявши го́лову по воло́сьямъ не пла́чуть.*

31.

Мазе́по Гетьма́не, израдли́вый Па́не!
Зле́е почина́ешъ, зъ Шве́домъ наклада́ешъ
И на Царя́ Восто́чного ру́ки по̂до̂йма́ешъ.

По̂днявъ еси́ Орду, изроби́въ тревогу! —
А при то̂й изме́нѣ бувъ Кочубе́й да Искра:
По̂шли-жъ воны́ зъ-по̂дъ Полта́вы (*) да до Царя́ зни́шка.

А Царь ве́ры не до̂ня́въ, до Мазепы одо̂сла́въ:
Скоро́-жъ і̂хъ Мазе́па взре́въ — ба́рзо звесели́вся;
А Кочубе́й изъ Искро́ю слёза́ми обли́вся.

Усе́ Паны́ Сенато́ры, усе́ бенке́тъ ма́ли;
Кочубе́я-жъ изъ Искро́ю ба́рзо забува́ли.

(*) Здѣсь говорится о первой ихъ попыткѣ къ доносу.

То̀льки ты ихъ не забу̀въ, Миргоро̀дскій Пане (*),
Що Кочубей изъ Искрою за Вкрайну стали! —

У Кіевѣ на Подо̀лѣ пору̀баны гру̀ши;
Погубѝвъ-же пѐсъ Мазѐпа невѝнныя ду̀ши!

Ой вы̀горѣвъ весь Бату̀ринъ, зо̂ста̀лася ха̀та (**);
Да вжѐ-жь твоя̀, псе Мазѐпо, и душа̀ прокля̀та.

Бувъ у тебе, псе Мазѐпо, одѝнъ хло̀пецъ Нѣмецъ.... (***)
По̂шло̀-жь твоѐ, псе Мазѐпо, усѐ добро̀ нивець! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос. креспьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ и Донцомъ.

32.

У Глу̀ховѣ у го̀родѣ у всѣ дзво̀ны дзво̀нюпь;
Да вже на̀шихъ коза̀ченько̂въ на лѝнѣю го̀нюпь.

У Глу̀ховѣ у го̀родѣ спрѣльну̀ли зъ гарма̀пы;
Не по одно̂мъ коза̀ченьку запла̀кала ма̀пи.

(145) Нѝвець — ни-во-что̀. Нѝвечишь — порпишь, ничтожишь. Ницъ — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гетьманомъ.

(**) 1708 Г. въ Окпябрѣ Князь Менщиковъ осадилъ Батуринъ, великолѣпную резиденцію Мазепы, разорилъ и сжегъ его до основанія; на мѣспѣ онаго было полько нѣсколько *хатъ*, до 1750 г., когда избранный въ Гетьманы Каммергеръ Графъ К. Г. Разумовскій захопѣлъ перевеспи Гетьманскую резиденцію изъ Глухова опяпь на прежнее мѣспо.

(***) Капипанъ Сердюковъ *Кенигсенъ*.

У Глу́ховѣ у го́родѣ стрѣ̂льну́ли зъ ручни́цѣ̂;
Не по однốмъ коза́ченьку пла́кали сестри́цѣ̂.

У Глу́ховѣ у го́родѣ поплѐтены сѣ́тки;
Не по однốмъ коза́ченьку заплака́ли дѣ́тки.

На бы́строму на о́зерѣ — геть пла́вала ка́чка (146);
Не по однốмъ коза́ченьку пла́кала коза́чка. —

У Гри́цьковѣ огнѝ̂ горя́ть, а въ По̂лта́вѣ ды́мно;
На мо́гилѣ Ге́тьманъ сиди́ть — геть-та́мъ ёго́ ви́дно!

Допевня́йся-жъ (147), нашъ Гетьма́не, допевня́йся пла́ты!
Якъ не бу́дешъ допевня́ти, бу́демо втѣ̂ка́ти.

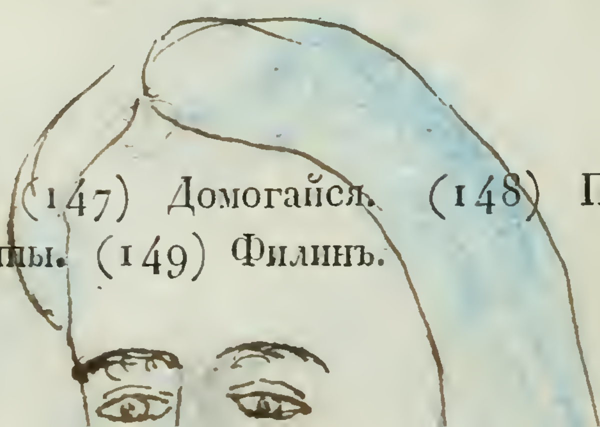
Ой идѣ́ть-же вы, пано́ве, до Петра́ до сва́та —
Ой тамъ бу́де вамъ, пано́ве, вели́ка запла́та:
По за́ступу у ру́ченьки, да ще́ и лопа́та! . . .

Сиди́ть коза́къ на моги́лѣ, соро́чку лата́е, (148)
Ой ки́нувся до черешка́ — копѣ́йки нема́е.

Сиди́ть пу́гачъ (149) на у́бочу, на вѣ́теръ наду́вся:
Иде́ коза́къ въ Украи́ну, на ли́хо здобу́вся.

Ишо́въ коза́къ на ли́нѣю да й ве́льми наду́вся,
Ишо́въ коза́къ изъ ли́нѣи — якъ ли́хо зогну́вся.

(146) Утка. (147) Домогайся. (148) Починяетъ, кладетъ заплаты. (149) Филинъ.



ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по козням Мазепы (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращенъ въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высóко сóнце зхóдить, низéнько ложи́тся,
Ой дé-сь то пáнъ Палѣ́й Семéнъ тепéра жури́тся?

Высóко сóнце зхóдить, низéнько захóдить,
Ой дé-сь то пáнъ Палѣ́й Семéнъ по Сиби́ру брó-
дить!

„Ой чýро, мôй чýро, мôй вѣ́рный Стоýсю!
Ой ходѣ́мо у капли́цю (150), Богý помолю́ся!

Ой Бóгові̂ помолю́ся, Святи̂мъ поклоню́ся. . . . . .
Зледащѣ́въ-же я понýрый, старéнькимъ здаю́ся!

Старéнькимъ здаю́ся, моли́тися мýшу:
Хай ми́луе Милости́вый мою́ грѣ́шну дýшу!“

Ой натягнýвъ ёмý чýра да сѣ́рую свиту,
Да давъ ёмý да у рýку ёловую вѣту.

Пôйшóвъ пáнъ Палѣ́й Семéнъ Бóгові̂ моли́ться,
Не то Бóгові̂ моли́ться, а не тó жури́ться.

Прійшóвъ пáнъ Палѣ́й до-дóму, да й сѣ́въ у намêтѣ,
На бандýрцѣ выгравáе: „Лихо жи́ти въ свѣтѣ!

Тóй, дýшу заклáвши, свиту бáчъ гаптýе; (151)
А тóй по Сиби́ру — мовъ въ лýзѣ дубýе.“

(150) Часовня. (151) Гаптовáти — шить серебромъ.

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можетъ быть, относится къ 1736 г.

34.

Ой хто́ въ Крыму́ не бува́въ,
То́й и ди́ва не вида́въ;
А мы въ Крыму́ бува́ли,
Мы́ тамъ ди́во вида́ли.

Переко́пській коменда́нтъ
Запоро́зьцямъ дае́ зна́ть:
— Ой го́дѣ-жъ вамъ, Запоро́зьцû,
Въ Каланта́ѣ пробува́ть,

Ой хо́демо на Ялы́ (?)
Коза́ченькôвъ ряпова́ть. —
Запоро́зьцû якъ пôшли́:
Впере́дъ го́лову найшли́;

А въ Жадче́нка Степа́на
Облу́плена голова́,
Въ Моско́вського копита́на
Спи́на обôдра́на.

Лежа́ть на́ши коза́ченьки
Якъ бѣле́нькіи смычки́;
А въ Жадче́нка у Степа́на
По-за но́гтями спички́.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикинеры — особые полки, изъ Малороссіянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бу́гомъ надъ рѣко́ю, на Туре́цькой грани́цѣ,
Тамъ стоя́ли пикинѣ̂ры, зъ ни́ми компанѣ́йцѣ̂.

Зеле́нои Недѣ́лоньки Орда́ наступа́е:
Гей, пано́ве, уступѣ́мо! запа́су не ма́е.

— Ой чого́-жъ намъ уступа́ти, чого́ боемо́ся?
Ой хочъ Орды́ бага́то йде́, мы ѣ̂й не дамо́ся! —

Иде́ Орда́ изъ-за Га́рда много́го зъ прапора́ми: (153)
Наложѣ́те-жъ, пикинѣ̂ры, от-ту́тъ голова́ми!

Иде́ Орда́ изъ-за Бу́га, и въ Бу́гъ не зноби́тся;
Ста́ли бѣ́днѣ̂ пикинѣ̂ры въ Бугъ-рѣку́ топи́ться.

Иду́ть батьки́ и матері̂ да синô̂въ пита́ють...
— Да вже́, батьки́, ва́шихъ сынô̂въ орлы́ догляда́ють!

Не зхотѣ́ли ва́ши сыны́ въ пикинѣ̂рахъ служи́ти,
Сѣ́ли собѣ́ слободо́ю надъ Бу́гомъ-рѣко́ю! —

Погорѣ́ли степы́, поля́ й зеле́нѣ̂ байра́ки,
Иду́ть зъ вô̂йська у городы́ го́лыи коза́ки.

(153) [П]рапоръ — знамя, оттуда Прапорщикъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Кистринъ и Гостинъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ — не суть ли Хотинъ?

36.

Ой на мо́рѣ, на мо́рѣ сине́нькôмъ,
Тамъ пла́вала бѣ́ла лебе́донька
Изъ мале́нькими лебедя́тами.
Де́ ся-взя́въ сизопêрый оре́лъ,
Ставъ лебе́дку би́ти й забива́ти,
Ста́ла лебе́дка до ёго промовля́ти:
Ой не бій мене́, сизопêрый о́рлоньку,
Скажу̂ тобѣ́ всю щи́рую (154) пра́вдоньку:

„Якъ у тôмъ мѣ́сцѣ у Кистри́нѣ
Да бье́тся Орда́ уже́ три́ днѝ,
Бье́тся вона́ три́ днѝ й три годи́ны,
Розби́лася вона́ на три́ полови́ны.
Течу́ть рѣчки́, да все́ крова́выи,
Чере́зъ тѣ́ рѣчки мо́стять мосты́,
Мо́стять мосты́, да все́ голо́вками,
Голо́вками, да все́ Моско́вськими.“

(154) Щи́рый — истинный, настоящій; также чистый, ревностный, роскошный (дерево, цвѣтокъ).

37.

Ой ма́ла вдова́ сы́на сокола́,
Вы́годовала, въ вôйсько оддала́.
Ой ста́рша сестра́ коня́ сѣдла́ла,
А середу́ща ху́стку (155) кача́ла,
А наймоло́дша выпроважа́ла,
А ма́ти его́ выпытова́ла:
— Сыну мôй, коли́ прі́ѣдешъ до на́съ? —
„Годи́ я, не́не, прі́ѣду до ва́съ,
Якъ па́вине пѐрья на-спôдъ пото́не,
А млино́вый (156) ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плине!“
Вже-жъ млино́вый ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плинувъ,
Вже й па́вине пѐрья на-спôдъ потону́ло,
А ще мого́ сы́на зъ Гостина́ не ви́дно!
Вы́йшла на гору: — ой всѣ́ полки́ йду́ть,
То мого́ сы́на ко́ника веду́ть! —
Пыта́ла вона́ всей старшины́:
Чи не ба́чили сы́на со́кола? —
— „Чи не то́ твôй сы́нъ, що сѐмъ полкôвъ вби́въ,
За во́сьмымъ полко́мъ голо́вку зхили́въ?
Зозу́ля лѣта́ла надъ ни́мъ кую́чи,
А ко́ники ржа́ли его́ везучи́,
Коле́са скрипѣ́ли пôдъ ни́мъ котю́чи́сь,
Слу́женьки пла́кали за ни́мъ иду́чи!“

---

(155) Платокъ. (156) Мельничный. Млинъ — мельница.

ОТРЫВОКЪ.

Ой бѣда́, о́рлику, ка́мѣнь скуе́.
А по Днѣпру́ що по Днѣпру́ молоды́й Коза́къ плыве́.
Молоды́й, коза́къ Ота́манъ Случа́й.
— Якъ сыкне Татарю́га, що хо́чъ одвѣча́й.
Що хо́чъ одвѣча́й, хочъ прикмѣты карбу́й,
Хочъ зло́го Татарю́гу и хло́пцѝ вербу́й!

О *Случаѣ* — см. пѣсню 14 (во 2 отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ IV.

Былевыя пѣсни послѣ Гетьманщины.

Заднѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

Замѣчаніе IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно такъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украины оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли холостую козацкую вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ утѣсненій за Религію и вольностей Жидовскихъ, до чрезвычайности изнурявшихъ народъ. Въ этихъ распряхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ безпокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конецъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Заднѣпровской Украины къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И такъ, въ семъ отдѣлѣ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно - *Малороссійскія*, *Заднѣпровско - Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хотя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мнѣ извѣстно также, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая достать ихъ.

ЗАДНѢПРОВСКІЯ. (*)

Харько́, *Желѣзня́къ* и особенно *Го́нта* были главными лицами, а *рѣзня въ Ума́ньщинѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей тогда въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сотникъ *Харько* убитъ въ Маѣ 1666 г. — по словамъ пѣсни въ *Морозовцѣ на мостѣ;* а по книгѣ Бантышъ-Каменскаго *объ Уніи* — въ Жаботинѣ, въ конюшнѣ, Харьку отрубили голову, по приказанію Рейментаря. — *Улановъ* между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Куплеты 2 и 3й прибавлены по другому списку.

38.

Ѣхавъ Со́тникъ че́резъ Ула́никъ, горѣ́лки напи́вся,
За ни́мъ, за ни́мъ сѣмсо́тъ мо́лодцо̂въ: — стой,
ба́тьку! не жури́ся.
Ѣхавъ Со́тникъ че́резъ Ула́никъ, на вычечко похи-
ли́вся:
Ой чо́мъ-же ты, Па́не-Со́тнику, ой чо́мъ зажури́вся?
„Якъ же менѣ́, Паны-мо́лодці̂ ой я́къ не жури́ться;
Коли́ по̂до́ мно́ю була́ный ко́ню и рже́ й станови́ться!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковскимъ*, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одъ Ви́слы да до Кі́ева проби́тыи шляхи́:
Завладѣ́ли неправди́во кра́емъ на́шимъ Ляхи́.

Якъ-же менѣ, паны-молодцѣ, ой якъ ся не журити:
Ой засѣдае городовый Сотникъ, да хоче мене вбити!....“

Ой заржавъ-же вороный коникъ въ станѣ на помостѣ;
А вже вбито Харька Сотника въ Морозовцѣ на мостѣ.

Ой летить крячокъ черезъ байрачокъ да й жалобненько кряче;
Стоить Сотничка зъ Полковникомъ да и жалобненько плаче:

— Ой бог-дай же ты, Полковнику, да наложивъ головою,
Що ты мене молоденькую да нарядивъ вдовою!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго Сотника *Гонты*, здѣсь открываются еще для Исторіи Жаботинскій Сотникъ *Мартынъ Бѣлуга*, Смѣлянскій Сотникъ *Шило*, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не есть ли Тименко?

39.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ зъ славного Запорозья
Процвѣтае на Вкрайнѣ якъ въ городѣ рожа.

Розпустивъ войсько козацькее въ славнômъ мѣстѣ Жаботинѣ —
Гей розлилась козацька слава по всѣй Украинѣ!

Гей, Максиме Полковнику, ты славный войну!
Гей выпусти зъ Жаботина хочъ Ляцьку дитину.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ листы одбирае,
Усѣхъ Ляховъ из Жидами до-купы збирае.

Изогнавши усѣхъ Ляховъ зъ Жидами до-купы,
Оддавъ Ляха Губернатора да Бѣлузѣ въ руки.

Бѣлуга Мартынъ Жаботинській да по рыночку
ходить,
Свого Пана Губернатора за собою водить.

И водючи за собою да й до его каже:
— Не одного теперъ Ляха голова заляже! —

Гей якъ выйшовъ Сотникъ Смѣляньскій зъ своими
Козаками,
Ступай, ступай, Шило Сотнику, въ Богуславъ изъ
нами!

А въѣхали въ Богуславъ да въ середу вранцѣ,
Накидали въ то годинѣ Жидовъ повни шанци.

Дзюма Козакъ Уманьскій конемъ пріѣзжае,
До Уманя Желѣзняка зъ собою подмовляе;

Гей, Максиме Полковнику, ты батьку козацькій!
Гей не втече изъ Уманя навѣтъ (157) и духъ Ляцькій!

Подъ Уманемъ славнымъ мѣстомъ великіи кручи;
Гей помлѣли Уманьчики Запорозьцѣвъ ждучи.

Гонта Сотникъ Уманьскій по-межъ войськомъ хо-
дить,
Изъ Максимомъ Желѣзнякомъ черезъ листы гово-
рить.

(157) Навѣтъ — даже.

А въ недѣлю ра́но ста́ли да у дзвоны́ би́ти;
Гей ставъ Го́нта зъ козака́ми пôдъ Ума́нь пôдходи́ти.

Въ понедѣлокъ пере́дъ обѣдомъ изъ гарма́тъ загу́ли,
А въ вôвто́рокъ ище́ ра́ньше Ума́ня добу́ли. . .

Хвали́лися Ума́ньчики пôдъ Ума́нь иду́чи:
Бу́демъ дра́ти, паны-мо́лодцî, зъ кита́йки ону́чи. —

Гей, якъ вы́йшовъ Донськíй коза́къ зъ-за Го́строимоги́лы,
Утѣка́ли Ума́ньчики, штаны́ погуби́ли.

Макси́мъ Коза́къ Желѣзня́къ зъ ла́гря выѣзжа́е,
Пере́дъ Донськи́ми козака́ми, и стра́ху не ма́е.

Ступа́й, ступа́й, Желѣзняку́! го́дѣ вже гуля́ти:
Пôйдемъ въ Кíевъ въ Пече́рськее Бо́гу робота́ти!

И гово́ритъ Макси́мъ Коза́къ, си́дючи въ нево́лѣ:
Не бу́дутъ мати вра́жî Ляхи́ на Вкраи́нѣ во́лî.

Течу́ть рѣки зъ всего́ свѣту до Чо́рного Мо́ря:
Мину́лася на Вкраи́нѣ Жидôвская во́ля!

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТОВИЧѢ.

(Относится къ 1770 г.)

40.

Да стоя́въ, стоя́въ Со́тникъ Го́нта, въ степу́ три недѣлî;
Наѣхали Смѣля́нчики, да вôнъ ся îмъ звѣривъ.

— Го́дѣ, го́дѣ, Со́тнику Го́нта, у степу́ стоя́ти;
Ходи́ зъ на́ми Козака́ми Ума́нь грабова́ти! —

„Ой якъ менѣ паны-молодцї, Умань грабовати,
И на свого пана - батька руки пôдôймати?“ —

Ой гуляйте Уманьчики не бôйтесь нѣчого:
Вывѣшали Гайдамакôвъ въ Пятигорахъ много!

Да повѣсили Котовича на зеленôмъ дубѣ; —
Прiѣхала ёго сестра животовiї люба.

Да незлїченiї червôнцї да въ запôльи носитъ,
Хорошенько Рейментаря кланяючись проситъ:

— Да дозволь, Пане Рейментарю, червôнцї забрати,
Мого брата Котовича зъ шибеницї зняти. —

Да дозволивъ Панъ Рейментаръ, червôнцї забрати;
Не дозволивъ Котовича зъ шибеницї зняти.

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтовалась Украина, попы и дяки;
Погинули на Вкраинѣ Жиды й Поляки.

Прилетѣли на Вкрайну изъ Западу гуси,
Погинули на Вкраинѣ невинныи души.

Погинули Депутаты шляхетнои вроды,
Навѣтъ тая дрôбна шляхта, тыи хлѣборобы.

О Боже мôй нескончёный! що ся теперъ стало:
Якъ то вѣра, такъ то вѣра, а милостї мало!

О Боже мой несконченый! дивитися горе,
Що тепера, на сёмъ светѣ, вѣра вѣру боре! . .

О Боже мой несконченый! въ насъ такъ не ведеться.
Памятайте, бунтовники, вамъ що не минется!

Мали паны на Вкраинѣ добрѝ оборонцѝ,
Звѣрилися Сотникові, Уманському Гонтѣ.

Мали паны на Вкраинѣ дуже добрый трунокъ:
Паны тыи розумныи дадуть собѣ ратунокъ.

Паны тее зрозумѣвши, згоду учинили:
Пôдкинувшись пôдъ Умань, Гонту изловили.

Воны-жъ его на-самъ-передъ барзо привѣтали,
Черезъ сѣмъ дней зъ его кожу по-поясъ здирали.

И голову облупили, сôлью насолили,
Потôмъ ёму якъ чесному назадъ положили.

Панъ Рейментарь похожае: — дивѣтеся, люде!
Хто ся тôльки збунтовавъ, то всѣмъ тее буде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о возвращеніи мнимыхъ своихъ земель въ Новороссійской Губерніи: по поводу чего, грамотой 1774 г. 22 Мая, и повелѣно было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по Бугъ и землею Донскою, препятствовали поселенію Сербовъ, переманили-было землепашцевъ Малороссійскихъ до 50,000. Сіи и другіе ихъ непозволительные поступки, изъясненные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заставили Государыню *разрушить Сѣчь Запорожскую*, повелѣніемъ 1775 г. 4 Іюня, даннымъ Генералъ-Поручику Текеллію.

42.

(Къ 1775 г.)

Да вста́нь, Харьку́! да вста́нь, ба́тьку! го́дѣ вже
нам спа́ти:
Ой ходе̂мо до Цари́ці̂ ми́лости̂ проха́ти.

Ой Цари́це, на́ша Ма́ти! змилу́йся надъ на́ми:
Ой да́й-же намъ пре́жні̂ степы́ зъ те́мными луга́ми!

— Не дозво̂лю Запоро̂зцямъ степо́мъ облада́ти,
Да прикажу́ Москале́ві̂ всю Се̂чь розоря́ти! —

Ой хо́дить нашъ Панъ-Кошо́вый, шабе́льку стискáе,
Таки́-жъ бо во̂нъ Москале́ві̂ ве̂ры не до̂ймáе:

„Ой хто хо́че зъ шабелька́ми, а мы́ зъ кулака́ми —
Неха́й по̂йде на́ша сла́ва, по-ме̂жъ козака́ми!“

43.

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы́, зъ-за Лима́ну ве̂теръ повѣвáе,
Да вже́жъ Москва́ Запоро̂зья круго́мъ обступáе.

Ой облягла́, обступи́ла, да въ го̂родъ вступи́ла,
Моско́вськими знаме́нами го̂родъ закраси́ла.

По̂шла́ Москва́ по куре̂нямъ запа́су збира́ти . . .

Ой набра́ли сре̂бла-зло́та, да й ста́ли гада́ти:
Ой я́къ бы намъ, ми́лі̂-бра́тья, Запоро̂зья взя́ти? —

Взяли́ со́тню Кошового й Пи́саря Полко̂вого:
Щобъ не було́ Запоро̂зья по́ки све̂та се̂го! —

Ой покрылось Запоро̂зье густы́ми лоза́ми,
Да вмы́лися Моска́лики дро̂бными сле̂за́ми!

ГАЛКА.

Пѣсня по разрушеніи Запорожской Сѣчи: не ее ли должно отнести къ Кошевому Кальнашу? (см. *Чайка* на стр. (108.)

44.

Ой полети́, полети́, да чо́рная га́лко, да на До̂нъ ры́бы ѣ́сти,
Ой принеси́, принеси́, да чорная га́лко, одъ Кошо-во́го вѣ̂сти!

— Да вже́-жъ менѣ́ не лѣ̂та́ти на До̂нъ ры́бы ѣ́сти,
Да вже́-жъ менѣ́ не носи́ти одъ Кошово́го вѣ́сти̂! —

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и!
Повдава́лись о̆ди́нъ въ одно́го, якъ бра́тья ро̂дны́и.

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши ко́ні̂?
— На́ши ко́ні̂ въ Па́на на приго́нѣ, сами́-жъ мы въ нево́лѣ! —

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши у́зды?
— На́ши у́зды въ ко́ней на зану́здѣ, сами́-жъ мы у ну́ждѣ! —

Ой вы Запоро́зці̂, о́й вы молоды́и! де́-жъ ва́ши списы?
— На́ши списы у Па́на у стрѣ̂сѣ (158), сами́-жъ мы у лѣ́сѣ! —

(158) Стрѣ̂ха — крыша изъ тростнику, или соломы.

Ой вы Запорозцѣ, ой вы молодыи! де-жъ ваши
ручницѣ?
— Наши ручницѣ у Пана въ свѣтлицѣ, сами-жъ
мы въ темницѣ! —
Ой вы Запорозцѣ, ой вы молодыи! де-жъ ваши луки?
— Наши луки побрали гайдуки, сами-жъ мы въ
розлукѣ! —
Ой вы Запорозцѣ, ой вы молодыи! де-жъ ваши
жупаны?
— Наши жупаны поносили Паны, сами-жъ мы
пропали! —
Ой полети, полети, да чорная галко, да на Донъ
рыбы ѣсти!
Ой принеси, принеси, да чорная галко, одъ Ко-
шового вѣстѣ!“
— Да вже-жъ менѣ не лѣтати на Донъ рыбы ѣсти,
Да вже-жъ менѣ не носити одъ Кошового вѣстѣ! —

ПУГАЧЪ.

45.

Ой спавъ пугачъ на могилѣ, да й крикнувъ вонъ: пугу!
Чи не дасть Богъ козаченькамъ хочъ теперъ по-
тугу! . . .

Що день, що ночъ — усе ждемо . . . поживы не маемъ:
Давно була! Хмельниченька уже не згадаемъ!

Ой коли-сь мы воевали, да больше не будемъ! . . .
Того счастя й тои долѣ — повѣкъ не забудемъ!

Да вже шаблѣ заржавѣли, мушкеты — безъ курковъ,
А ще сердце козацькее не боится Турковъ!

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По долинѣ волы́ реву́ть: ой чому́-жъ то не ко́нѝ
ржу́ть —
Ко́нѝ вороны́и, ко́нѝ выпряжны́и!

Ой коли́сь-то ко́нѝ, ко́нѝ. . . по Кры́мськôй доро́зѣ;
То́-то було́ сча́стье, до́ля у Ла́ньскому ро́зѣ! . . .

А въ Ла́ньскому ро́зѣ я́воръ похили́вся:
Ой Тата́ринъ тя́жко-ва́жко ве́ртью закрути́вся.

Чи въ тебе, Тата́рине, горѣ́лонька увъ очи́хъ запѣ́ла?
Чи въ тебе, Тата́рине, голо́воньку ча́ра заломи́ла?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Се́рбине, Се́рбине! поки́нь сербова́ти,
Вôзьми́ се́рпъ, да іди́ въ сте́пъ пшени́ченьку жа́ти.

— Бо-да́й-же ты, дѣвчи́нонько, того́ не дôжда́ла,
Да що́-бъ моя́ бѣ́ла ру́чка пшени́ченьку жа́ла. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губерніи осталось объ немъ много преданій, и урочище *Се́рбинъ Яръ*. Во второй части есть у меня прекрасная пѣсня:

Ой Се́рбине, Серби́ночку,
Сва́тай мене́ дѣвчи́ночку! . . .

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Сербина не любить, чи тожъ не хорошій:
Очи синії якъ у жабы, самъ на чорта схожій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ, который столь грозно славился въ Украинѣ лѣтъ десять, начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичь Сомовъ (подъ именемъ П. Байскаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гаркуша добра душа на шляхъ поглядае,
Свою любу Горпиницю выжидае.

ЛИМАНЪ.

48.

(Отрывокъ.)

У низъ иду — вода несе;
Зъ низу иду — бѣда жене.
Жалкуется Лиманъ Морю,
Що Днѣпръ робить свою волю:
Свої горла прочищае,
Лимановї закидае . . . .

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Относится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збiралися комисары пôдъ царськiї палаты,
Пишуть листы на Вкрайну пôдъ аршины брати.
Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
Ой тôжъ козакъ уродливый, доходить аршина.
Ой зачуе-жъ стара ненька, Ивасёва мати:
„Ой де-жъ тебе, мôй сыноньку, я маю сховати!"
— На що-жъ мене, матусенько, ты маешъ ховати,
Буду тобѣ изъ столицї червонныи слати! —
„На що-жъ менѣ, мôй сыноньку, червонныи твои?
Що нѣкому поховати головоньки менѣ!"
— Поховають, моя нене, тебе добрї люди,
Ой якъ мене молодого до тебе не буде. —
Вдовинъ сынокъ вдовиченко коня наповає;
Его ненька старесенька въ вôкно поглядае.
Вдовинъ сынокъ вдовиченко коника сѣдлае;
Его ненька старесенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ вдовиченко на коня сѣдае;
Его ненька старесенька крыжемъ упадае.
Вдовинъ сынокъ вдовиченко зъ двора выѣзжае;
Его ненька старесенька за стременъ хапае. . .
Ой въ городѣ въ Очаковѣ вдарили изъ лука:
Да вже-жъ тобѣ, вдовинъ сыну, зъ матêрью розлука.
У городѣ въ Очаковѣ вдарили зъ гарматы:
Уже-жъ тобѣ, вдовинъ сыну, матки не видати!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ-Таврическій составилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ.* Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошеваго *Чепѣги*, а свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ титуломъ ихъ *Гетьмана.* — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островѣ Таманѣ.

50 (*).

Сложена и пѣта на праздникѣ 15-го Августа 1792 г., по случаю полученія грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ Судьею *Головатымъ.*

Головатый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу, говоренную Потемкину Запорозцями на Великъдень* (Христо́съ воскре́съ, радъ мі́ръ уве́сь....); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ отцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ.*

Ой го́дѣ намъ жури́тися, пора́ переста́ти:
Дожда́лися одъ Цари́цѣ̂ за слу́жбу запла́ты!

Дала́ хлѣ́бъ-со̂ль и гра́моты за вѣ́рныи слу́жбы;
Отъ-тепе́ръ мы, ми́лѣ̂ бра́тця! забу́демъ всѣ ну́жды.

(*) Вотъ два стиха другой пѣсни:

Ту́тъ-то мы бу́демо жи́ти и ры́бу лови́ти,
И вра́жого да Черке́са по кру́чамъ гони́ти.

Въ Тама́нѣ жи́ть, вѣ́рне служи́ть, грани́цю держа́ти,
Ры́бу лови́ть, горѣ́лку пи́ть, ще й бу́демъ бага́тѣ.

Да вже тре́ба жени́тися и хлѣ́ба роби́ти;
А хто прі́йде изъ невѣ́рныхъ, то якъ чо́рта би́ти.

Сла́ва Бо́гу и Цари́цѣ, а поко́й Гетьма́ну!
Залѣчи́ли въ сердця́хъ на́шихъ вели́кую ра́ну.

Благодарѣ́мъ мы Цари́цю, молѣ́мося Бо́гу,
Що Вона́ намъ указа́ла на Тама́нь доро́гу!

О Потоцкім

[illegible]

О Дорошенке

[illegible]

Гей ж нам Дорошенко
Ти преславний Гетьмане!
Дорошенко, Дорошенко!

[illegible]

[illegible]

Дорошенко, Дорошенку!

[illegible]

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ БЫТОВЫЯ.

Ой хвортýно, хвортунúно! послужú менѣ́ ще трòшки:
Служúла въ козáцтвѣ, служúла въ бурлацтвѣ, послужú въ чумáцтвѣ!

Украин. пѣсня.

Пѣсни сего отдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ четырехъ видахъ его: *войсковомъ*, *бурлацкомъ*, *чумацкомъ* и *гайдамацкомъ*.

Н. — **бурлачствомъ** называется вообще не только холостое бездомовье, но и отлучка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ **бурлаковати**, (на-заробôтки). Слово бурлáка значитъ еще забіяка.

О. — О словѣ *Гайдамáкъ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово **гайдамáка** принимается въ смыслѣ разбойника (розбйшáка), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, встрѣчающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — **чумаками** называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь **чумаковати**, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣроятнѣе будетъ производство отъ Татарскаго и у насъ встарину употребительнаго слова: *чумъ* или *чюмъ* — ковшъ. **Чумачство** издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привести слѣдующіе два стиха:

А у Мéрджѣ на лáвоньцѣ сидить *Чумгá Тарабýлъ*:
Въ ёго люлька пахýлька, а тютюнъ порохýнъ."

Въ Полт. Губ. есть село *Чумгáкъ*.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на прогання́е:
По̂ди́, сыну, гетъ одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Ту́рки во̂зьмуть!
Мене́, не́не, Ту́рки зна́ють —
Мене́ ко̂ньми надѣля́ють!

Го́мо̂нъ, го́мо̂нъ по дубро́вѣ,
Тума́нъ по́ле покрыва́е,
Ма́ти сы́на прогання́е:
Поди́ сыну, гетъ одъ ме́не —
Неха́й тебе́ Орда́ во̂зьме!
Мене́, не́не, Орда́ зна́е —
Срѐбло́мъ, зло́томъ надѣля́е!

Ста́рша сестра́ коня́ веде́,
А по̂дста́рша збро́ю несе́,
А ме́ньшая выпы́туе:
Коли́, бра́те, зъ во̂йська прі́йдешъ?

Во̂зьми́, се́стро, пе̂ску́ жме́ню, (159)
Посѣ́й его́ на каме́ню,
Ходи́ къ ему́ зо̂ро́нькамн,
Полива́й его́ слѐзо́ньками:

(159) Жме́ня — горсть.

Колѝ, сéстро, пêсóкъ зôйде —
Тогдѝ брáтъ твôй зъ вôйська прійде!

Гóмôнъ, гóмôнъ по дубрóвѣ,
Тумáнъ пóле покрывáе,
Мáти сына призывáе:
Вернѝсь, сынку, до-дóмоньку,
Змыю тобѣ головоньку!

Менé, нéне, змыють дóжчѝ,
А розчéшуть густѝ тéрны,
А высушуть буйнѝ вѣтры! . . .

2.

По-надъ мóремъ, Дунáемъ
Вѣтеръ яворъ хитáе, (160)
Мáти сына питáе:
— Ой сыну мôй Иване,
Дитя мое кохане! (161)
Чи менѣ тебé оженить,
А чи въ вôйсько урядить? —
Якъ я тебé колыхала,
Усю нôченьку не спала;
Якъ я тебé зростила,
Самá себé звеселила;
Якъ я тебé оженю
Всю рóдину звеселю;
Якъ я тебé въ вôйсько ôддамъ,
Собѣ жáлю я задáмъ! —
„Не журися, моя мати,

(160) Хитáти — качать. (161) Кохáный — возлюбленый, милый.

Вже сёго́ не минова́ти!
Испра́въ мені́ три трубы́,
Да усі́ три мі́дяні̂,
А четве́ртую трубу́
Испра́въ мені́ золоту́.
Въ пе́ршу трубу́ я загра́ю,
Якъ ко́ника осі́длаю;
А въ другу́ю я загра́ю,
Яхъ на ко́ника сі́да́ю;
А въ тре́тюю я́ загра́ю,
Зъ твого́ двора́ і́дучи́;
А въ четве́рту затрублю́
Сере́дъ во̂йська стоючи́
И ша́бельку держучи́.

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое:

Ой у по́лѣ да де́рево
Зеле́не, кудря́ве,
По̂дъ ты́мъ де́ревомъ
Сиди́ть ма́ти зъ сыномъ
Ві́теръ де́рево хита́е и проч...

Въ другомъ конецъ такой:

Якъ зачу́ла тее ма́ти
Ста́ла пла́кати, рыда́ти:
„Ой сыне мо̂й Ива́не,
„Дитя́ мое́ коха́не!
„Ой коли́-бъ же я зозу́ля,
„Я-бъ до тебе поли́ну́ла! (162)

(162) Поли́ну́ти — полетѣть.

Горе пані Потоцкої

3.

Засвиста́ли коза́ченьки въ похо́дъ зъ-полуно́чі̂ ;
Запла́кала Мару́сенька свои́ я́сні̂ очі̂. —

Не пла́чъ, не пла́чъ, Мару́сенько! не пла́чъ, не журися:
За своёго́ миле́нького Бо́гу помоли́ся ! —

Стои́тъ мѣ́сяцъ надъ горо́ю да со́нця нема́е ;
Ма́ти сы́на въ доро́женьку слёзно проважа́е.

„Проща́й, ми́лый мо̂й сы́ночку, да не забавля́йся! (163)
Чере́зъ чоты́рі̂ недѣ́лоньки до-до́му верта́йся.“

— Ой ра́дъ бы я, мату́сенько, скорѣ́йше верну́ться;
Да вже́ що-сь мо̂й воро́ненькій въ воро̂тяхъ
зпо̂ткну́вся.

Ой Богъ зна́е коли́ верну́сь, въ яку́ю годи́ну:
Пріи́ми-жъ мою́ Мару́сеньку, якъ ро̂дну дити́ну.

Пріи́ми е̂й, мату́сенько — всѣ въ Бо́жіе̂й во́лѣ!
Бо хто зна́е: чи живъ верну́сь, чи ля́жу на по́лѣ?“

„Ой ра́да я Мару́сеньку за ро̂дну приня́ти ;
Да все́ не та́къ вона́ мене́ бу́де шанова́ти.“

— Ой не пла́чте, не журѣ́тесь, въ ту́гу не вдава́йтесь:
Загра́въ мо̂й ко̂нь воро́ненькій, наза́дъ сподѣва́йтесь!

(163) Ба́витися — мѣшкать.

4.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ *Семеномъ Климовскимъ*, жившимъ около 1724 г.

Ѣха́въ Коза́къ за Дуна́й,
Сказа́въ: дѣ́вчино, проща́й!
Ты, ко́нику воро́ненькій,
Неси́ да гуля́й!

„Посто̂й, посто̂й, коза́че!
Твоя́ дѣ́вчина пла́че;
Съ кѣ́мъ ты мене́ покида́ешъ —
То̂льки подума́й!"

Бѣ́лыхъ ру́чокъ не лама́й,
Ясныхъ о́чокъ не зтира́й,
Мене́ зъ войны́ изъ сла́вою
Къ собѣ́ дожида́й.

„Не хо́чу я ні̂чого́,
То̂льки тебе́ одного́;
Ты будь здоро́въ, мо̂й миле́нькій —
А все́ пропада́й!"

Сви́снувъ Коза́къ на коня́:
Зостава́йся, молода́!
Я прі́ѣду, якъ не зги́ну,
Чере́зъ три года́ . . .

Тебе́-жъ, ми́ла, не забу́ду,
Поки́ жи́въ на свѣ́тѣ бу́ду;
Коли́-жъ умру́ на войнѣ́,
Попла́чь обо́ мнѣ́! . . .

5.

— Що́ ты, ми́лый, ду́маешъ-гада́ешъ?
Ма́бутъ мене́ поки́нути ма́ешъ!
Ра́но встаешъ, коня́ напова́ешъ,
Зеле́ного сѣньця́ пôдкладáешъ,
Жовте́нького вôвса́ пôдсыпа́ешъ;
Въ сѣ́нечки йде́шъ — сѣде́льця пыта́ешъ,
Въ комо́ру йде́шъ — нага́йки шука́ешъ,
Дитя́ пла́че, ты не поколы́шешъ. —
Все на ме́не ва́жкимъ ду́хомъ ды́шешъ,

Ой у поро́га ревну́ла коро́ва, —
„Зостава́йся, ми́лая, здоро́ва!“
Ой ревну́ло ще й мале́ теля́тко —
„Зостава́йся малее дитя́тко!“
Ми́ла зъ ха́ты выбѣга́ла,
Своего́ мило́го за стреме́нъ хапа́ла.
— Ой верни́ся, мôй ми́лый, верни́ся,
Варе́ноі горѣ́лки напі́йся,
И въ голубы́й жупа́нъ прибери́ся,
И на ме́не ми́лу подиви́ся! —
„Не верну́ся, ми́ла, не верну́ся!
Я въ доро́зѣ й сыро́і на́пьюся,
И на чужу́ ми́лу подивлю́ся,
До те́бе въ недѣ́лю верну́ся,
Въ зеле́ный жупа́нъ приберу́ся.“
— Ой не ѣ́дь же, мôй ми́лый, ни́зомъ,
Заки́дана доро́женька хмызомъ. — (164)

(164) Хмызъ — хворостъ.

„Ой є̂ въ мене коникъ вороненькій,
Перескочить той хмызокъ дробненькій.
Ой у полѣ вовки да лисицѣ̂,
Ой то-жъ мои братья да сестрицѣ̂.
Ой у полѣ чорный воронъ кряче,
То-жъ мою во̂нъ голову баче."

6.

Ой поважай стару матѐрь, хочь вона й не ро̂дна:
Кохай, кохай дѣвчиноньку, хочъ вона и бѣдна.
— Не для того стара мати що-бы поважати:
Не для того бѣдна дѣвка, що-бъ є̂й кохати.
Ой поважай сестру свою, сироту-вдовицю:
Кохай, кохай молодицю, гарну соболицю.
— Не для того сестры, вдовы, що-бъ ї̂хъ поважати:
Не для того молодицѣ̂, що-бы ї̂хъ кохати.
Ой поважай отця свого, да поважай брата:
— Не для того воны живуть, що-бъ ї̂хъ поважати.
Коли треба поважати, то мы знаемъ за-що:
Да й не маму, да й не тата, ни сестру, ни брата.
Ой у мене є коняка, да й гарный коняка:
Ой якій во̂нъ волоцюга, якій розбишака!
Ой того-то я коняку поважати буду,
За его не взявъ-бы срѐбла хочъ повную груду.
Ой ще на моему боцѣ є шабелька гарна,
Спытай є̂є̂, спытай є̂є̂, чѣмъ вона не панна?
Ой панночко наша, панночко шаблюко,
Зъ бусурманомъ зустрѣвалась (165) да й не двочи
цѣловалась.

(165) Встрѣчалась.

7.

Соколоньку сынку, чини мою волю:
Продай коня вороного, вернися до-дому.

— Соколихо мати, коня не продати,
Мому коню вороному треба сѣньця дати.

Соколоньку сынку, рыбъ намъ не ловити,
Нѣчого намъ ѣсти — голодомъ сидѣти.

— Соколихо мати, пусти погуляти,
Буду гулять, да гуляти, долевьки шукати.

Соколоньку сынку! хиба-жъ теперъ время?
— Время, мати, время! орлу разъ-то время.

Ой привезу, мамо, тобѣ три жупаны,
Да всѣ тыи три жупаны всѣ срѣбломъ поткані;

Ой мѣжъ тѣми одинъ жупанъ изъ самого Хана:
Ой прощай-же, моя мамо, пôйду я до Хама.

8.

„Ой панове-молодці, вôдкôль идете?
Да зъ якои стороночки, да що везете?"

— Ой, Пане-Гетьмане! були въ бусурмана:
Багацько въ чортяки всякого надбане! —

„А що-жъ вы, панове, чого тамъ чували,
Якого видали, якого зôбрали?"

— Що, Пане-Гетьмане! по три смухи зъ барака,
Четверту маленьку зъ самого бусурмана. —

9.

Ой у лу́зѣ да кали́на весь лу́гъ изкраси́ла:
Породи́ла стара́ ма́ти жовнѣ́роньха сы́на.

„Породи́ла-жъ мене́ ма́ти темне́нькои но́чѝ,
Дала́ менѣ́ бѣле ли́чко и чо́рныи о́чѝ.

Було́-бъ менѣ́ бѣле́нького ли́чка не дава́ти,
Було́-бъ менѣ́, моя́ ма́ти, сча́стье й до́лю да́ти!

Породи́ла мене́ ма́ти въ Святу́ю Недѣ́лю:
Дала́ менѣ́ лиху́ до́лю — де́-жъ ѐѐ подѣ́ну?...

Лиху́ до́лю ни прода́ти, а ни промѣня́ти;
Всю́ды лю́ди ли́хо зна́ютъ, не хо́тя́ть купова́ти!“

Розвива́йся, сухі́й ду́бе! за́втра моро́зъ бу́де,
А вже́ тобѣ́, гарный хло́пче, за́втра похо́дъ бу́де!

— Я моро́зу не бою́ся, за́втра розвину́ся!
„Я похо́ду не бою́ся, за́разъ выберу́ся!“

Пла́че ми́ла, пла́че чо́рными очи́ма:
— Вече́роньха на столѣ́, а сме́рть за плечи́ма! —

„Кро́пить до́жчикъ доро́женьку да що́бъ не курѣ́ла:“
Ой пора́дьте моѐй ми́ло́й да що́бъ не тужи́ла!“

10.

Ой сѣ́въ коза́къ ѣ́сти, иду́ть къ ѐму́ вѣ́стѝ:
Кидай, коза́къ, вече́ряти, ча́съ на коня́ сѣ́сти!
Коза́къ покида́е, на коня́ сѣда́е,
Ма́ти ѐго́ рѡ̂дне́нькая зъ жа́лю омлѣва́е.

„Не дай, Боже, смерти, въ чужомъ краю вмерти:
Нема кому жалковати, головки звязати!
Воронъ прилѣтае, въ вочи заглядае,
Бѣле тѣло объѣдае, костки покидае! . . .“

11.

Ой кряче, кряче чорненькій воронъ
Да на глыбокой долинѣ;
Ой плаче, плаче молодый козаче
По несчастливои годинѣ.
Ой кряче, кряче да чорненькій воронъ,
Да у лузѣ надъ водою;
Ой плаче, плаче молодый козаче
На конику на вороному.
— Вороный коню! грай ты подо мною,
Да розбій ты тугу мою!
Розбій, розбій тугу по темному лугу
Козакови да молодому. —
Ой ѣде козакъ да дороженькою,
Слезоньками умывается:
— Де-сь моя ненька, де-сь моя старенька
Да за мною убивается!
Да въ недѣлоньку рано по-раненьку,
Да якъ сонце не зходило,
Да зъѣзжалася вся моя родина,
Вона мене выпроводила.
Выпровожаешъ, моя родинонько!
Да чи не жаль тобѣ буде,
Якъ я поѣду на ту Украйну,
Да межъ чужіи люди?

Ой згада́й мене́, моя́ стара́ нéне.
Сѣда́ючи да обѣдати:
Де-сь моя́ дити́на на чужо̂й сторонѣ́;
Да нѣкому да одвѣдати!
Ой згада́й мене́, моя́ стара́ нéне,
Якъ ся́дешъ у вéчерѣ ѣ́сти:
Де-сь моя́ дити́на на чужо̂й сторонѣ́;
Да нема́е одъ нéи вѣ́сти.

12.

Стои́ть я́воръ надъ водо́ю, въ во́ду похили́вся;
На козака́ приго́донька (166), коза́къ зажури́вся.

Не хили́ся, яворо́ньку, ще́ ты зелене́нькій!
Не жури́ся, коза́ченьку, ще́ ты молоде́нькій!

Не ра́дъ я́воръ хили́тися — вода́ корні̑ мые;
Не ра́дъ Коза́къ жури́тися, да се́рденько ные!

Ой поѣ́хавъ въ Моско́вщину коза́къ молоде́нькій —
Орѣ́хове сѣде́лечко и ко̂нь вороне́нькій.

Ой поѣ́хавъ въ Моско́вщину да та́мъ и заги́нувъ;
Каза́въ собѣ́: насыпали высо́ку моги́лу,
Каза́въ собѣ́: посади́ли въ голо́вкахъ кали́ну!

Бу́дуть пта́шки прилѣта́ти кали́ноньку ѣ́сти,
Бу́дуть менѣ́ приноси́ти одъ ро́доньку вѣ́сти!...

(166) Невзгодье, бѣда.

13.

Го́ре менѣ́ на чужинѣ́,
Щó не вкупѣ́ браты́ мои́:
Оди́нъ въ Сѣ́чѣ Отама́номъ,
Дру́гій въ степу́ зъ Вата́жкою,
Тре́тій Дóйно Дойни́ченько . . .
По-на́дъ Днѣстрóмъ Дóйно хóдитъ,
Дéвятеро кóней вóдитъ,
На десятôмъ поѣзжа́е,
Днѣстра́ бра́томъ называ́е.
„Днѣ́стре бра́те, побрата́ймось!
Скажи́ рѣ́чцѣ Савра́нськôй (168)
И прикмѣ̂тѣ (168) коза́цькôй.“
Въ-го́ру, Дóйно Дойни́ченько!
Тамъ рѣ́ченька Савра́нськая
И прикмѣ̂та коза́цькая . . .

Сиди́тъ коза́къ на моги́лѣ,
Зъ ору́жины ого́нь крéше,
Ска́лки ло́митъ, розклада́е,
Въ свои́ ра́ны загляда́е:
Пострѣ́лены — къ сéрдцю прійшли́,
Пору́баны — крóвъю зôйшли́. —
Заклада́вся орéлъ зъ конéмъ,
А за пыи крини́ченьки:

(167) *Савранка* впадаетъ въ Бугъ. (168) *Прикмѣ́та* — смышленость, удальство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжишъ,
Менѣ крильця повтинаешъ!“
— Ой ты скорѣйшъ да долетишъ,
Мене ноги повтинаешъ. —
Ой кôнь бѣжить, земля дрôжить;
Орелъ летить, пêро дзвенить;
Ой кôнь бѣжить все ярами,
Орелъ летить все лугами.
Кôнь до воды прибѣгае,
Орла брата выглядае:
Орелъ летить и не смѣе
Коня брата не пôзнае;
Даруй, коню, крылечками,
А хто ходить нôжечками!

14.

„Вôдкôль ѣдешъ?“ — Одъ Дунаю! —
„А що чувавъ про Михайлу?“
— Эге! чувавъ! я самъ видавъ:
Ишли Ляхи на три шляхи,
Козаченьки на чотыри,
А Татаре поле крыли.
А въ тôмъ вôйську козацькому
Ѣхавъ вôзокъ да й покрытый
Червоною китайкою,
Заслугою козацькою.
А въ тôмъ вôзку було тѣло,
Порубане, почорнѣло;
За тѣмъ вôзкомъ кôнь лыцарськiй;
Веде коня хлопъ козацькiй,
Держить спись въруцѣ довгенькiй,
А у другôй мечъ ясненькiй.

Ой ще́ зъ меча́ и кро́въ тече́!
По Михайлѣ мати плаче́ . . .
Не ду́же во̂нъ пору́баный:
Голо́вонька на три часті̂,
Бѣ́ле тѣло на чотырі̂!
На́-що, ма́ти, спра́ву дба́ти (169)!
Тре́ба досчо́къ добува́ти,
Хоро́мину будова́ти!
Дай три до́ски клено́выи,
А четве́рту сосно́вую:
Безъ дверъ ха́та, безъ во̂ко́нець,
Бо вже́ пріишо́въ ёму́ ко́нець!

Въ другихъ варіянтахъ находятся слѣдующіе стихи:

А въ то̂мъ во̂зку́ коза́къ лежи́ть
Пострѣ́ляный, пору́баный,
На три часті̂ роздѣ́леный;
Въ право̂й руцѣ́ ша́блю держи́ть,
А зъ той ша́блі̂ кро̂вця́ бѣжи́ть —
Бѣжи́ть рѣ́чка крова́вая,
Надъ рѣ́чкою я́воръ стои́ть,
Надъ я́воромъ во́ронъ кря́че,
За козако́мъ ма́ти пла́че,
Вона́ пла́че и рыда́е,
Свого́ сы́на не по̂зна́е.

(169) Яствы готовить.

Сидитъ воронъ надъ скалою
Похитуе головою:
— Ой я твого сына знаю,
Трички на день попасъ маю,
Зо лба очи выбираю.
Иди, стара, до-домочку,
Возьми пѣску въ праву ручку,
Посѣй ёго въ городочку,
Якъ той пѣсокъ въ-гору зойде,
Тогди сынъ до тебе прійде!

15.

Вѣтеръ гуде, трава шумитъ,
Козакъ бѣдный убитъ лежитъ
На купинѣ головою,
Накрывъ очи осокою.
Конь вороный у ноженькахъ,
Орелъ сизый въ головонькахъ;
Вонъ козака доглядае,
На кучери наступае . . .
Вонъ до ёго промовляе:
„Сизый орле, побратаймось!
Якъ ты, брате орле, станешъ
Зъ лобу очи выдирати,
Дай же моей неньцѣ знати,
Моей неньцѣ старесенькой,
Матусеньцѣ роднесенькой.
Ой знай, орле, що казати,
Якъ у тебе моя мати
Буде про мене пытати!

Скажи́: слу́житъ во̂нъ у Ха́на,
Въ па́на Ха́на Тата́рина,
У Кры́мського Добро́дѣя;
Да вы́служивъ королѐвоньку,
Въ чисто̂мъ по́лѣ моги́лоньку. . .“

16.

Ой ко̂нь бѣжи́ть, трава́ шуми́ть:
Да вже́жъ коза́къ уби́тъ лежи́ть,
На купи́нѣ голово́ю,
Прикры́въ но́ги осоко́ю,
Жо́вте тѣло роки́то́ю,
Бѣлі̂ ру́ки хустино́ю,
Ясне ли́чко китайко́ю. . .
Въ голо́венькахъ во́ронъ кря́че,
А въ но̂женькахъ ко́никъ пла́че;
Копы́томъ зе́млю выбива́е,
Своего́ па́на во̂нъ пыта́е:
— Ой па́не-жъ мо̂й, па́не,
Па́не копита́не!
Ой кому́ мене́ вруча́ешъ,
Кому́ коня́ покида́ешъ?
Чи Ту́рчину, чи Та́тарину? . . .
„Тебе́, ко́ню, Ту́рчинъ не по̂йма́е,
А Тата́ринъ не о̆сѣдла́е.
Ой бѣжи́, ко́ню, те́мными луга́ми,
Бѣжи́, ко́ню, би́тыми шляха́ми;
Да прибѣжи́, ко́ню, до дво́ру,

Та вдарь копы́томъ въ боло́ну!
А вы́йде до тебе не́нька старе́нька,
Коза́цькая матусе́нька;
Вона́ бу́де тебе́ за по́воды бра́ти,
Бу́де тобѣ́ сѣ́на по̂дклада́ти,
Во̂вса́ бу́де тобѣ́ по̂дсыпа́ти,
Холо́дною води́цёю напова́ти,
И скро̂зь слёзы про ме́не пыта́ти.
Да не кажи́, ко́ню, що я уби́вся,
А скажи́, ко́ню, що́ я ожени́вся,
Да поня́въ себѣ́ паня́ночку,
Въ чи́сто̂мъ полѣ земля́ночку —
Що куды́ вѣ́теръ не вѣ́е,
Ни со́нечко вже́ не грѣ́е. . .
Безъ во̂ко́нець и безъ двере́ць —
Тамъ спи́ть коза́къ-молоде́ць. . .“

17.

Ой у по̂лѣ снѣжо́къ по̆роши́ть
Ажъ тамъ коза́къ заби́тъ лежи́ть,
На купи́нѣ голово́ю,
Накры́въ о́чи̂ мураво́ю,
Мураво́ю зелено́ю,
Червоно́ю китайко́ю.
Въ голо́вонькахъ во́ронъ кря́че,
А въ но̂женькахъ ко́никъ пла́че:
— Або́ мене́, па́не, пуска́й,
Або́ менѣ́ запла́ту да́й! —
„Зо̂рви́, ко́ню, шовко́вый по́водъ,
Бѣжи́, ко́ню, доро́гою,
Зеле́ною дубро́вою;

Выѣжъ травы двѣ косарѝ,
Выпій воды два озерѝ,
Пôдбѣжи, коню, пôдъ ворôта,
А вдарь коню у копыта!
А выйде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька —
Ой знай, коню, що казати,
Якъ буде у тебе пытати:
Ой коню мôй вороненькій,
А де твôй панъ молоденькій?
Чи ты ёго въ вôйську згубивъ,
Чи ты ёго пôдъ себе збивъ? —
А ни я ёго въ вôйську згубивъ,
А ни я ёго пôдъ себе збивъ:
Заслуживъ вôнъ паняночку,
Въ чистôмъ полѣ земляночку!..“

18.

(Галицкая)

Чорна рôля (170) заорана — *гей, гей* —
Чорна рôля заорана
И кулями (171) засѣяна,
Бѣлымъ тѣломъ зволочена, — *гей, гей* —
И кровою сполощена.

Лежитъ воякъ на купинѣ — *гей, гей* —
Лежитъ воякъ на купинѣ,
Накрывъ очѝ китайкою.

(170) Рôля — пашня. (171) Куля — пуля.

Китайкою червоною — *гей, гей* —
Накрывъ очи китайкою.

А нй труны (172), а нй ямы — *гей, гей* —
А нй труны, а нй ямы,
А нй вôтця, а нй мамы.
А нѣкому задзвонити — *гей, гей* —
А нѣкому затужити!

Дзвонять конй копытами — *гей, гей* —
Дзвонять конй копытами,
А вояки острогами.
Дзвонять конй копытами — *гей, гей* —
А вояки острогами.

Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ — *гей, гей* —
Летитъ воронъ зъ чужихъ сторонъ,
На могилѣ усѣдае,
Очй ёму выпивае — *гей, гей* —
Очй ёму выпивае.

Ходить мати гукаючи — *гей, гей* —
Ходить мати гукаючи,
Сына свого питаючи.
— Ой я твого сына знаю — *гей, гей* —
Бо я зъ его попасъ (173) маю!

„Скажи менѣ, воронъ милый — *гей, гей* —
Скажи менѣ, воронъ милый:
Чи мôй сынокъ ище бѣлый,
Чи ще оченьки ясенькй — *гей, гей* —
Да чи уста румьяненькй?..."

(172) Труна — гробъ (173) Пастьу.

— Вже́ его́ уста́ сине́нькі̑ — *гей, гей* —
Вже́ его́ уста́ сине́нькі̑,
Его́ ли́чко вже́ чорне́ньке,
Я на ли́чку присѣда́ю — *гей, гей* —
Очі̑ ёму́ выпива́ю!...

19.

По-за са́домъ зелене́нькимъ доро́жка лежа́ла:
Молода́я туды́ пані̑ не́крутъ выряжа́ла,
Выряжа́ла на вороно̑мъ кони́ченьку.
— Вы́йди, вы́йди, се́рдце мое́, дѣвчи́нонько! —
Ой не вы́йшла дѣвчи́нонька, вы́йшла стара́ мати;
Взяла́ коня́ за по́воды, да й ста́ла пыта́ти:
„Ой сы́ну-жъ мо̑й, соко́лоньку, де́жъ тебе́ шукати?"
— Шука́й въ степу́, кра̑й доро́ги, моя́ ро̑дна ма́ти!
Тамъ я бу́ду, моя́ ма́ти, го́ремъ горева́ти —
Своимъ чу́бомъ кучеря́вымъ степы́ устила́ти,
А своею крови́цею мо́ря доповня́ти,
А ще́ своимъ бѣлымъ тѣломъ орлы́ годова́ти.....
„Бо-да́й же вы, воро́женьки, всѣ ра́зомъ пропа́ли,
Якъ вы тую бѣду́ зна́ли, менѣ́ не сказа́ли;
А тоді̑ вже вы сказа́ли, якъ сына по̑йма́ли!
А по̑йма́ли мого́ сына, да ру́ки звяза́ли,
Повяза́вши бѣлі̑ руки, везу́ть до Прилу́ки,
„А зъ Прилу́ки до Полтавы, до вѣ́чной присяги:
Прися́гъ Царю́, прися́гъ Бо́гу, одре̑кся одъ ро́ду,
Проща́й, сыну, мо̑й го́лубе, не ду́май до до́му!

20.

До вдо́виного двора́
Лежи́ть доро́жка нова́,
А въ то̂мъ дворѣ́ столы́ теса́ні̂,
По-мѣ̂жъ тѣ̂ми стола́ми
Сидя́ть паны́ ряда́ми,
Пи́шуть листы пѐра́ми,
Пи́шуть, пи́шуть и рядя́ть
Кого́ въ некру́ты odда́ть.

— Де пя́ть — тамъ не бра́ть;
Де чоты́рі̂ — тамъ веля́ть;
Де три́ — тамъ не ты́;
Де два́ — тамъ нѣ̂-льга́.

У вдови́ны оди́нъ сынъ,
И той по̂шо́въ по̂дъ арши́нъ;
По̂дъ арши́номъ не до̂йшо́въ
И запла́кавши по̂шо́въ.

Паны́ ёго́ пожалѣ́ли
И купи́ли ко́ника,
И ко́ника й шабельку́,
По̂шо́въ хлопець до полку́.

Иде́ ма́ти, рыда́е,
Всю старши́ну зби̂ра́е.
„Ой старши́на моя́ ми́ла,
Выпуска́йте мого́ сы́на.“

Обо̂зва́вся одине́ць,
Уродли́вый молоде́ць:

— Не плачъ, мати, не рыдай,
Карыхъ очей не зтирай,
Ой тогдî ты заплачешъ,
Якъ на муштрѣ забачишъ.

А чій-же то ланы
Позасѣвали паны?
А то того одинця,
Вродливого молодця.
А выйдемо на той ланъ,
А вдарѣмо въ барабанъ.
Отъ: матерî на жалость,
А старшинѣ на радость.
Пôшла мати плачучи,
А старшинѣ радощî.

21.

Ой крикнули орлы, зъ-за моря летючи:
Заплакали бурлаченьки въ неволѣ сидючи.

— Давай, Сотській, пошту, коня вороного,
Да повеземъ до пріёму хлопця молодого! —

Взяли да й помчали темными лугами;
А за ними отецъ, мати, битими шляхами.

А де на-нôчъ стануть, свѣтло задувають,
Що рôдного отця й неньки да не допускають.

„Не плачъ, моя мати, не плачъ, не журися:
„Ще я молоденькій козакъ, выслужуся!“

22.

Ой зачу́ла-жъ моя́ до́ля,
Що не бу́ти мене́ до́ма,
Бу́ти-жъ мене́ у нево́лѣ,
У некру́цькому набо́рѣ! —
Ско́ро козакъ догада́вся,
До дѣвчи́ны захова́вся:
— Ой дѣвчи́но, мое́ се́рдце,
Схова́й мене́ пôдъ ряде́ньце!
Ско́ро люди догля́дѣли,
Круго́мъ ха́ту обступи́ли,
Въ дѣвки две́ри розломи́ли
И козака́ улови́ли;
Быстрîи нôженьки скова́ли,
Бѣлîи ру́ченьки звяза́ли,
Посади́ли у вôзо́чокъ,
Сами́ сѣли въ передо́чокъ,
Да й повезли́ въ городо́чокъ.
Са́ми ко́ней поганя́ють,
Да й на хло́пця погляда́ють —
Щобъ и ко́ней не втоми́ти,
Щобъ и хло́пця не впусти́ти.
На ко́никахъ пѣна па́ла,
Неда́леко вже Полта́ва.
Прiѣхали до Полта́вы,
Одда́тчики повстава́ли,
Быстрîи нôжки розкова́ли,
Бѣлîи ру́чки розвяза́ли,
Да повели́ у свѣтли́цю,
Посади́ли на скамни́цю,

Чорни̂ кудри̂ подголи́ли
Да й муни́цю начѐпили,
По база́ру поводи́ли,
Ме́домъ-вино́мъ напои́ли.
„Лу́чче-бъ менѣ́ воло̂въ па́сти,
Нѐжъ тепе́ра зъ коня́ впа́сти!
Лу́чче-бъ менѣ́ погони́ти,
Нѐжъ зъ пана́ми говори́ти!
Лу́ччебъ менѣ́ зъ грабе́льками,
Нѐжъ тепе́ра зъ шабе́льками.“

23.

Ой ду́бъ на бѐрезу го̂льемъ похили́вся,
Сынъ своей ма́тери̂ до но̂гъ уклони́вся:
„Ой стара́ нене, чо́мъ не же́нишъ ме́не?“
— На що-жъ тебе́, сыну, молоды́мъ жени́ти?
Хиба́ тобѣ́, сыну, нѣ́ зъ кѣмъ говори́ти?
Куплю́ тобѣ́, сыну, коня́ вороно́го,
Коня́ вороно́го, говори́ до его. —
„Но̂ подо́ба, ма́ти, зъ коне́мъ розмовля́ти:
Ой ча́съ и годи́на дѣвчи́ны шука́ти.
Ой ко́ню-жъ мо̂й, ко́ню, ко́ню вороне́нькій!
Ой чого́ ты стои́шъ на ста́нѣ смутне́нькій?“
— Того́ я смутне́нькій, що ты молоде́нькій,
Що ты ра́но встае́шъ, мене́ напова́ешъ,
Мене́ напова́ешъ, во̂зьме́шъ осѣдла́ешъ,
Куды́ погада́ешъ, туды́ й поганя́ешъ,
Нигде́ того́ шинку не мина́ешъ,
Мене́ вороно́го къ стовбу́ припина́ешъ.
Я сыру́ю зе́млю по поя́съ выбью,

До́ки тебе́, Па́не, зъ того́ шинку вызву.
Ой да́й мене̂ се̂на по са́мі̂ коле̂на,
Дай мене̂ воды́ по са́мі̂ поводы́,
Ой да́й мене̂ мо́чі̂ по ка́рыи о́чі̂ —
Тогді̂ гуля́й, Па́не, хоча́ до по̂вно́чи!

24.

Ой га́лочки чорне́нькіи круту́ го́ру вкры́ли;
Молоды́и коза́ченьки жа́лю наробі́ли.

Ой га́лочки чорне́нькіи, по̂до̂йма́йтесь въ го́ру!
Молоды́и коза́ченьки, верта́йтесь до-до́му!

— Ой ра́ді̂ мы по̂дня́тися — тума́нъ наляга́е.
— Ой ра́ді̂ мы верта́тися — да Па́нъ не пуска́е.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Берди́чове̂, славно̂мъ ме̂сте̂,
Зверблва́ли хло́пцо̂въ две̂сте̂.
А че̂мъ-же і̂хъ вербова́ли?
Зло́тыхъ гро́шей дарова́ли.

Въ Берди́чове̂, сла́вно̂мъ ме̂сте̂,
Зверблва́ли хло́пцо̂въ две̂сте̂;
И ко́нюхи, и писа́рі̂
Увъ ула́ны пристава́ли.

Приста́нь, Юрку, до верб́ýнку,
Бу́дешъ е̂сти зъ ма́сломъ ку́рку,
Бу́дешъ е̂сти, бу́дешь пи́ти,
Бу́дешъ якъ пано́къ ходи́ти.

Забу́дь тата, забу́дь ма́му,
А са́мъ приста́нь увъ ула́ны!
Тепе́ръ ма́ешъ горёва́ти,
Лу́чше въ во̂йську панова́ти.

А въ ула́нахъ даю́ть гро́ши̂,
Бу́дешъ бага́тый, хоро́шій;
Бу́дешъ ѣ́сти, бу́дешъ пи́ти
И хороше́ въ чѣ̂мъ ходи́ти.

И хороше́ въ чѣ̂мъ ходи́ти —
Довбе́шками во́ши би́ти.
И остроги́ побѣля́ни̂,
И чо́боты ваксова́ни̂.

Ки́тель бѣ́лый, ки́веръ чо́рный,
Хло́пець га́рный и мото́рный,
И чикчи́ры гаптова́ни̂,
Само́ паны́ прибира́ни̂.

А зво̂дко̂ль вы? — Могиля́не.
А чія́ ты? — Ковалёва.
Ой я дѣ́вка мѣ̂жъ дѣ́вками,
Череви́чки съ по̂дко̂вками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Ге́й-же! — Да журба́ мене́ скрушила,
Да журба́ мене́ зсушила, — *да ге́й!*
Ге́й-же! — за чужими вола́ми ходючи,
Да чужіи возы́ мажучи, — *да ге́й!*
Да ну́те, волы́, пома́лу,
Да вытяга́йте изъ я́ру. —
Ой крикнули журавлі̂,
Да хо́дючи по ро́лѣ:
Да лу́чче рốля́ ранняя, -
А нѣ̂жъ тая пôзняя;
Що́ на ра́ннѣй женці̂ жну́ть,
А на пôзнѣй ското́мъ бьють. —
Ой крикнули молодці̂,
Да сидючи въ корчо́мцѣ:
Да лу́чче жôнка перша́я,
А нѣ̂жъ тая друга́я;
Да що́ зъ пе́ршою дѣ̂тей мавъ,
А зъ друго́ю розôгна́въ.
Да идѣ́ть дѣти служити,
Чо́мъ ма́чусѣ годити! —
Да оди́нъ пôшо́въ до попа́,
Дру́гій пôшо́въ до жида,
Тре́тій пôшо́въ до па́на —
Щобъ ма́чуха пропа́ла!
Хо́дить ба́тько по валу́,
Кличе дѣте́й до-дому́:

Да идѣть дѣти до-дому,
Не буде вамъ розгону!
— Живи, тату, якъ Богъ давъ,
Коли ты насъ розогнавъ!
Мы будемо служити,
За матѣрью тужити!

27.

„Щука рыба въ морѣ гуляе до-волѣ,
А я козакъ на чужинѣ да не маю долѣ.

Выйду за ворота, надѣвши сѣмрягу,
Ой хто-жъ мене да пригорне бѣдного нетягу!

Осѣдлаю коня да поѣду въ поле,
Прощай, прощай матусенько, моя рôдна ненько!“

— Ой ты сизый орле, высоко лѣтаешъ,
Ой чи часто мого сына у вôчѣ видаешъ?

„Сынъ твôй, мати, въ полѣ, въ полѣ спочивае,
Надъ нимъ сидить сизый сокôлъ, въ головоньку
съкае.“

Да вдарилась мати объ полы руками:
— Теперъ-же я, мой дѣти, пропала изъ вами. —

„Сама себе, мати, сама провинила,
Що насъ такихъ покохала да й не поженила.“

— Сыны-жъ мой любѣ, сыны вы миленькѣ,
Тымъ-же я васъ не женила, що вы молоденькѣ!

28.

— Въ недѣ́лоньку ра́но розігра́лося мо́ре :
Не одному́ сы́ну на чужи́нѣ го́ре !

Вы́йду за воро́та, ста́ну якъ сиро́та.
Нихто́ мене́ не займа́е! я бѣ́дный сиро́та! . . .

Да лети́ть орéлъ си́зый, орéлъ сизокры́лый :
„Чого́ стоишъ-ту́жишъ , мôй сыну еди́ный!“

— Да пора́дь менѣ́, о́рле! що́ ма́ю роби́ти :
Да помéръ отéць, ма́ти, вся моя́ роди́на. —

„Да и ты́ не зна́ешъ, да и я́ не зна́ю,
Покида́й сей кра́й, де ро́ду не ма́ешъ ;

Да йди́ на Вкрайну, тамъ зна́йдешъ роди́ну ,
Тамъ зна́йдешь роди́ну, любу́ю дѣвчи́ну.“

29.

Журба́ мене́ су́шить, журба́ мене́ ва́лить ,
Журба́-жъ мене́, ма́ти, ско́ро изъ нôгъ зва́лить !

А я́-жъ тôй журьбѣ́ да й не пôддаю́ся —
Пôйду́ до шинка́рки, горѣ́лки напью́ся.

Горѣ́лочка пья́на, су́ча журба́ впря́ма ;
Горѣ́лочка су́мна , су́ча журба́ у́мна.

Чому́-сь менѣ́ , бра́те, горѣ́лка не пье́тся ,
Би́ля мого́ сéрденька якъ га́дина вье́тся.

Ко́ло сéрдця , бра́те , ко́ло сéрдця мо́го ,
А коли́ не вѣ́ришъ, неха́й би́ля тво́го !

Були́ въ мене́ лу́ги, ста́ли жи́то жа́ти ;
Бувъ въ мене́ отéць и рôдная ма́ти ,
А тепéръ нѣ́кому пора́доньки да́ти !

Булú въ мене́ лу́ги, высо́кіи во̂льхи,
Булú въ мене́ дядькú и ро̂дныи тêтки,
А тепе́ръ порáдоньки не мáю ни зво̂дко̂ль!

Да булú въ мене́ лу́ги, булú и копицû —
А тепе́ръ нѣ́кому подáть и водицû.

Не дáй Бо́же сме́рти — на чужúнѣ вмéрти:
Ой нѣ́кому доглянýти тамъ моéи смéрти.

30.

Ой не шумú, лу́же, дубро́вою ду́же,
Не завдавáй се́рдцю жáлю, бо я́ въ чужо̂мъ крáю,

Ой я въ чужо̂мъ крáю якъ на пожарúнѣ,
Нихто́ мене́ не пригóрне при лихо̂й годúнѣ!

Ой роблю́ я, роблю́, робо́та ни-зá-що,
Лю́ди кáжуть и говóрять: сиротá ледáщо!

Сиротá ле́дáщо, не хóче робúти;
Ой отдáймо врáжа сы́на у во̂йсько служúти!

Сиротá втомúвся, на тúнъ похилúвся —
Лю́ди кáжуть и говóрять: во̂нъ мáбуть упúвся!

Ой по̂йду́ я, по̂йду́ на гору́ круту́ю,
Ой стáну-жъ я, подивлю́ся на рѣ́чку быстру́ю.

Ой рѣ́ченька, быстре́нькая! на е́и дивлю́ся,
Такû мене́ думкú взно́сять: по̂йду́ утоплю́ся!...

— Не топúся, козáченьку! мáрне ду́шу згу́бишъ:
Тре́ба зъ не́ю въ свѣтѣ́ жúти, хочъ êи не лю́бишъ!...

31.

Ой не шумí, лýже, ты зелéный гаю,
Не завдавáй сéрдцю жáлю, бо я́ въ чужôмъ краю!
Бо я́ въ чужôмъ краю мáрне пропадáю,
Ой тымъ-же я пропадáю, що рóду не мáю. . .
Хочъ у мéне и é рôдъ — далéко одъ мéне;
Ой я чую чéрезъ люди, цурáються мéне.
Нехáй воны́ цурáются, да якъ самí знáють,
Прíйде тáя годúнонька, що й мене́ згадáють!

32.

Зь пóля вѣ́теръ вѣ́е,
За Лимáномъ завывáе,
Тýга-печáль налягáе. —
Ой я съ тýги, да зъ печáли
Пôйду́ въ корчму́ погуляю.
Шинкáрочка молодáя,
Вонá-жъ мене́ давнó знáе,
Горѣлочки повѣряе. —
Шинкáрочко молодáя!
Усы́пь мéду и горѣ́лки,
Тепéрь въ мéне немá жôнки.
Въ кóго жôнкá, въ кóго дѣ́ти,
Тому́ въ Пóльщѣ дóбре жúти.
А я́ жôночки не мáю,
Я въ Одéсѣ пробувáю. —
А въ Одéсѣ дóбре жúти,
Мѣшкóмъ хлѣ́ба не носúти,
На пáньщину не ходúти,
Подýшного не платúти.
Ни за плýгомъ, ни за рáломъ,
Называ́ють мене́ пáномъ.

33.

Ой лужечки да бережечки да вода поняла;
Да вже-жъ мою да головоньку журба обняла.

Охъ и я журбу, охъ и я тоску да на листу спишу;
Охъ и я журбу, охъ и я тоску на Дунай пущу.

Да плыви, журбо, да плыви, тоска, да по всѣмъ берегамъ;
Охъ и роздай, Боже, мою печаленьку по всѣмъ ворогамъ.

Да зеленый дубъ, да зеленый дубъ, да безъ сонця завъявъ,
Молоденькому да козаченьку Богъ долѝ не давъ.

Да не давъ долѝ, да не давъ счастя, да не давъ талана,
Да куды я пôйду, куды повернуся — то все чужина.

34.

Ой въ полѣ могила зъ вѣтромъ говорила:
Повѣй, вѣтре, ты на мене, щобъ я не чорнѣла.

Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,
Щобъ на менѣ трава росла, да ще й зеленѣла!

И вѣтеръ не вѣе, и сонце не грѣе,
Тôльки въ степу при дорозѣ трава зеленѣе!

Ой у степу рѣчка, черезъ рѣчку кладка:
Не покидай, козаченьку, рôдненького батька!

Якъ батька покинешъ, самъ марне загинешъ,
Рѣченькою быстренькою за Дунай заплинешъ.

— Бо-да́й та́я рѣ́чка рыбы не плоди́ла:
Вона́ мого́ това́риша на-вѣки втопи́ла!
Бо-да́й та́я рѣ́чка кошу́ромъ заросла́:
Вона́ мого́ това́риша за Дуна́й занесла́!

35.

Летѣ́въ соколо́нько, да й сѣ́въ на дубо́ньку,
Схили́въ-склони́въ голово́ньку уни́зъ до-доло́ньку.
Кли́че ма́ти сы́на зъ корчмы́ до-домо́ньку:
Иди́, сы́ну, до-домо́ньку, пропье́шъ худобо́ньку.
„Мати-жъ моя́, ма́ти, и са́мъ-же я ба́чу,
Що я́ свою́ худо́боньку усе́ ма́рне тра́чу.
Ой не пôйду́, ма́ти, до-до́моньку спа́ти:
Е на се́рдцѣ скорби́тонька, дале́ченько зна́ти.
Зна́ти ма́ти, зна́ти; ще́ знатнѣ́йше бу́де,
Що́ учо́ра изъ-вечо́ра осуди́ли люде.
Не та́къ старî люди, якъ малы́и дѣ́ти:
Доведе́ться одъ ворогôвъ въ кайдана́хъ сидѣ́ти!
Хочъ бу́ду сидѣ́ти, да зна́тиму за́-що:
Неха́й зъ мене не смѣе́тся всякее леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що робити-спа́ти:
Запряжу́ чотырî волы́ да пôйду́ ора́ти!
Волы́ мои половыи, чому́ не оре́те?
Лѣта мои молодыи, чому́ ма́рне иде́те?
„Якъ бы вы́ насъ поганя́ли, такъ бы мы́ й ора́ли!
„Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, такъ бы ва́съ слуха́ли.“

Запряжу чотыри кони, кони вороныи,
Да поѣду доганяти лѣта молодыи.

Ой догнавъ же лѣта свои въ калиновомъ мостѣ:
Вернѣтеся, лѣта мои, хочъ до мене въ гости!

Лѣта-жъ мои, лѣта мои, лѣта молоденьки!
Коли доля несчастлива — будьте коротеньки!

37.

Летѣвъ голубъ да все роскошно;
Лѣта мои молодыи пошли розточно.

Летѣвъ голубъ да й упавъ на садъ:
Лѣта мои молодыи, вернѣться назадъ!

38.

Летить орелъ по-надъ моремъ по высокой высокости:
Плаче козакъ старесенькій да по своей молодости.

— Лѣта-жъ мои молодыи, де ся вы подѣли:
Чи вы въ луги, чи въ байраки геть одъ мене полетѣли?

Лѣта-жъ мои молодыи, де ся вы подѣли? . . .
Завилися въ кленовый листъ, да въ лѣсъ полетѣли!

Козацькая здобыченька марне пропадае:
Тыждень козакъ зароблае, за одинъ дѣнь пропивае."

39.

Да iшовъ козакъ зъ Дону, да зъ Дону до-дому,
Да й сѣвъ надъ водою, проклинае долю:
— Доле-жъ моя, доле, чомъ ты не такая,
Ой чомъ не такая, якъ доля чужая?

Що люди не роблять, да въ жупанахъ ходять,
А я роблю, дбаю — и свиты не маю;
Що люди гуляють и роскошй мають,
А я роблю, дбаю — ничого не маю! —
Обôзветься доля по тôмъ боцѣ моря:
,,Козаче-бурлаче! дурный розумъ маешъ,
Що ты свою долю марне проклинаешъ:
Ой невинна доля, винна твоя воля —
Що ты заробляешъ, то все пропиваешъ,
Що въ день загорюешъ, за нôчъ прогайнуешъ,
А що запаланишъ (174), то музыки наймешъ:
Ой грайте, музыки, изъ двора до двора,
Да щобъ не журилась стара ненька дома!...
— Якъ музыки грали, то й насъ люди знали,
А якъ перестали, то й лаяти стали! —

40.

Ой не спавъ я нôчку темненькую,
Да не буду спати ще й другую,
Да чому-сь менѣ нудно
И на серденьку трудно,
Молодый козакъ, самъ не знаю!.

Да вѣють вѣтры все буйныи,
Да идуть дожчи все дробныи,
Землю розрушають,
И травою устилають,
Краснымъ цвѣтомъ искрашають.

(174) Запаланити или закаланити — пріобрѣсть, нажить.

Да теперъ рѣчки не глыбокіи
И на перевозѣ не широкіи;
А луги изъ лугами,
Береги зъ берегами,
Де проходять зъ кораблями.

А теперъ не проходять,
И бурлакъ не проводять
За вражими ворогами! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки до Марусѣ въ гостѣ:
„Марусенько-панѣ! чи е твôй панъ дома?
Коли-жъ нема пана, выйди до насъ сама!"
Марусенька не пôзнала, въ черевичкахъ выйшла:
— Есте вы козаки, есте гайдамаки! —

„Марусенько-панѣ! по чôмъ ты пôзнала?
По чôмъ ты пôзнала, правдоньку сказала?"

— По тôмъ я пôзнала, правдоньку сказала,
Що я свого пана коника пôзнала. —

„Марусенько-панѣ! не правдоньку-жъ кажешъ:
Мы того коника въ твого пана купили,
Въ зеленôй дубровѣ грошѣ полѣчили,
Въ холоднôй крыницѣ могоричъ запили,
Пôдъ гнилу колоду пана пôдкопили.

42.

(Галицкая).

„А що́ у то̂й Чорного́рѣ за воро́нѝ ко́нѝ!
Ходѐмъ, бра́те, въ гайдама́ки, чу́емо черво́нѝ.

Ой и чу́емо черво́нѝ въ па́на молодо́го...
Ой я́къ бы ихъ да ужи́ти зъ двора́ головно́го?"

— Ой я зна́ю, па́не-бра́те, я́къ то ѝхъ ужи́ти:
Молодо́го того́ па́на до стѣны́ прибы́ти!

Ой прибы́ти ру́ки, но́ги, ще межи́ плечи́ма,
Да щобъ на на́съ во̂нъ диви́вся чо́рными очи́ма!

43.

На́-що-жъ тобѐ, па́не-бра́те, торби́ну таска́ти?
Лѐпше тобѐ, па́не-бра́те, люде́й розбива́ти.

Чи зна́ешъ ты, па́не-бра́те, що бу́демъ дѣя́ти:
Вырѣ́жемо вра́жихъ сыно̂въ, бу́демъ панова́ти!

Чи ба́чишъ ты, па́не-бра́те, за лѐсомъ моги́ла:
Чи ты́ умре́шъ, чи пови́снешъ — разъ ма́ти роди́ла!...

ЧУМАЦКІЯ.

44.

Ой по гора́мъ снѣги́ лежа́ть,
По доли́намъ во́ды стоя́ть,
А по шляха́мъ маки́ цвѣту́ть:
То не маки́, а чумаки́ —
Зъ Крыму иду́ть, ры́бу везу́ть.

Мати сына вызнавала,
Да не взнала — выкликала:
— Иди, сынку, до-домоньку,
Змыю тобѣ голововньку! —

„Измый, мати, сама собѣ,
Або моей рôднôй сестрѣ:
Мене змыють — дрôбнî дожчî,
А розчешуть — густî терны,
А просушить — ясне солнце,
А розкудрють — буйнî вѣтры!...“

45.

Чумаченьки козаченьки кашу варили,
А сами сѣдали, пѣсню спѣвали:
„Ходить пуга по лугу,
Гнеться туръ-вôлъ у дугу.
Ходить пуга по гаю,
Кличе дѣвку Галю.
Ходить пуга по балкахъ,
Плаче пуга по Козакахъ.
Ходить пуга по дубровѣ,
Що немае долî, долî!“

46.

Зацвѣла калина у лузѣ да попустила квѣты,
Не одинъ чуманъ кида жôнку и дрôбненькiи дѣты.

Добре було да чумаковати поки всюды було рôвно,
А то вже черезъ тiи билеты да й ходити не вôльно.

Гей въ степу глыбока крыниця, тôльки вода блищится;
Гей пôйшовъ-бы я до жôнки, дѣтей — не маю чѣмъ розплатиться.

47.

Ой ходи́въ чума́къ сѐмъ рòкъ по Дону́,
Да не було́ пригóдоньки никóли ёму́.

Ой ишóвъ чума́къ зъ Кры́му до-дóму,
Спа́лась ёму́ пригóдонька за всю дорóгу,

Спа́лась ёму́ пригóдонька не въ де́нь, а въ ночѝ,
Занеду́жавъ чума́ченько зъ Кры́му иду́чи́,
При широ́кòй доро́женьцѣ волы́ пасу́чи́.

Ой пòйшóвъ чума́къ въ Сама́ръ на база́ръ,
Черво́ною хусти́ною голо́вку звяза́въ.

Ой упа́въ чума́къ, упа́въ да й лежи́ть,
Нихто́ ёго́ не спита́е що́ въ ёго боли́ть.

О́й и боли́ть въ ёго се́рдце й голова́,
Помира́е чума́ченько, а ро́ду нема́.

Прiйшо́въ до ёго́ ота́манъ ёго́,
Бере́ его́ за ру́ченьку, жалу́е ёго́.

„Ота́мане мòй, жа́луешъ мене́:
Скида́й жупа́нъ зъ мене́ да укри́й мене́.

Бери́ мои́ волы́-возы́ — похова́й мене́,
Бери́ мое́ срѐбло-зло́то — помина́й мене́.“

Изки́нувъ чума́къ свиту и кожу́хъ,
Припада́е къ сиро̀й землѣ́, те́плый зво́де ду́хъ;

Изки́нувъ чума́къ изъ се́бе каита́нъ:
„Волы́ мои́ поло́выи, хто́-жъ бу́де вамъ па́нъ?

Да вда́рили зъ-ра́зу у вели́кій дзво̂нъ,
Се́-жъ по тому́ чума́ченьку що ходи́въ на До̂нъ.

Да вда́рили зра́зу въ дзвоны́ уво всѣ́:
Се́-жъ по тому́ чумако́ві̂, що ходи́въ по со̂ль.

Ой ишли́ волы́ да въ во̂смерику́,
Задзвони́ли въ усѣ́ дзвоны́ по то̂мъ чумаку́.

Ревну́ли волы́ у ново̂мъ ярмѣ́;
Похова́ли чума́ченька въ чужо̂й сторонѣ́.

Ревну́ли волы́ степо́мъ идучи́;
Похова́ли чума́ченька, зъ Кры́му везучи́.

48.

Ой злетѣ́въ пу́гачъ на яли́ноньку, да якъ *пу́гу* да *пу́гу*!
Гей, дотяга́йте сла́вні̂ чума́ченьки да до тѣ́много лу́гу!

Ой ра́дибъ мы поспѣша́ти, да чума́къ занеду́жавъ.
Ой занеду́жавъ да чума́къ Мики́та да на во̂зъ похили́вся,

Да пра́вою ру́ченькою за се́рдце ухопи́вся,
Ка́ренькими о́ченьками на во́лико̂въ подиви́вся.
„Ой волы́ мої́, да половы́ї! хто́ вамъ Па́номъ бу́де?
Ой я́къ мене́ чумака́ Мики́ты на свѣ́тѣ не бу́де?"
— Ой то́й надъ на́ми бу́де панова́ти, хто́ насъ бу́де поганя́ти! —

Ой вы чума́ченьки, ой вы бурла́ченьки! ой вы люди на все́ го́жи!
Ой изробѣ́те чумако́ви Мики́тѣ домовину зъ рого́жи.
Та вы́рыйте надъ чумако́мъ Мики́тою да высо́ку могилу;
Та посадѣ́те надъ чумако́мъ Мики́тою, да черво́ну кали́ну.

49.

Ой чума́че, чума́че!
Въ тебе ли́чко коза́че.
Чомъ не ра́но зъ Кры́му йде́шъ,
Не всѣхъ чумакôвъ веде́шъ?
— Ой я ра́но зъ Кры́му йду́,
Всѣхъ чума́ченькôвъ веду́,
Тôлькôжъ нема́ одно́го —
Мого́ брата ро́дного! (а)
Шука́въ, шука́въ, не найшо́въ,
Запрêгъ волы́ да й пôшо́въ.
Ѣхавъ, ѣхавъ — моги́ла,
Крâй моги́лы — доли́на,
Та́мъ чумаки́ стоя́ли,
Та́мъ же и мы́ приста́ли.
Отама́не, ба́тьку на́шъ!
Пора́дь же ты тепе́ръ на́съ:
Що бу́демо роби́ти,
Чѣмъ во́ликôвъ корми́ти?
— А ще, хло́пцû, не бѣда́!
Есть у по́лѣ лобода́:
Косѣ́ть, хло́пцû, лободу́ —
Забува́йте сю́ бѣду́!
Косѣ́ть, хло́пцû, пшени́цю —
Въ чи́стôмъ по́лѣ метли́цю.
Ко́сѣть, хло́пцû, ве́сь спори́шъ —
Кормѣ́ть волôвъ на бары́шъ.
Косѣ́ть, хло́пцû отаву —
Пасѣ́ть волôвъ на сла́ву.

Косѣть, хлопцѝ, ще́ ячмѣнь —
Поѣдемо въ Крымъ по со̂ль!
Косѣть, хлопцѝ, и ове́съ —
Поѣдемо у Оде́съ!
Косѣть, хлопцѝ, очере́тъ —
Нава́римо вечеря́ть,
Уки́немо чабака́,
Да помяне́мъ чумака́! . . .

(а) Вмѣсто сихъ стиховъ поютъ еще такъ:

То̂лько̂ одного́ нема́ —
Вдо́виного Ивана́:
Скла́лась ему́ причи́на,
Голо́воньку проби́ла —
Полама́лись терезы́,
Со̂ль ва́жучи ни возы́.

50.

Да иде́ чума́къ да доро́гою,
Ме́дъ-вино́ кружа́е;
Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ воло̂въ не ма́е.

— Да бѣжи́, хло́пку, да бѣжи́, малы́й,
Дава́й пана́мъ зна́ти:
Да неха́й паны́, да неха́й воны́
Шлю́ть воло̂въ шука́ти! —

Ой у Кіёвѣ да на ры́ночку
У всѣ дзво́ны дзво́нять. . .

Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликôвъ го́нять.

Да огля́нется да чума́къ наза́дъ,
Ажъ во́ликôвъ жену́ть;
А за вола́ми да за воза́ми
Бусу́рме́на веду́ть.

Да веду́ть, веду́ть да бусурме́на
На круту́ моги́лу:
— Да диви́сь, диви́сь, да бусурме́не,
На свою́ кра́йну. —

„Да тепе́ръ мене́, да ми́лй бра́тья,
Кра́йна не ми́ла:
Що розсерди́вся мôй оте́ць й ма́ти,
Ще й вѣ́рна дружи́на!“

51.

У по́лѣ крини́ченька, холо́дна води́ченька;
Тамъ чума́къ волôвъ напова́е:
Волы́ реву́ть, воды́ не пью́ть, доро́женьку чу́ють.

„Бо-да́й же васъ, сѣ́рй волы́, да до Крыму не ходи́ли!
Якъ вы мене́ молодо́го навѣ́къ засмути́ли...“

Поме́ръ, поме́ръ чума́ченько въ недѣ́леньку вра́нцѣ;
Похова́ли чума́ченька въ зеле́нôмъ байра́цѣ.

Насыпа́ли чума́ченьку высо́ку моги́лу;
Посади́ли на моги́лѣ черво́ну кали́ну.

Прилетѣ́ла зозу́ленька, да й сказа́ла: ку́-ку!
Пода́й, сыну, пода́й, о́рле, хочъ пра́вую ру́ку!

„Ой ра́дъ-бы я́, моя́ ма́ти, обѣ́-двѣ пода́ти;
Да налягла́ сыра́ земля́, не мо́жно пôдня́ти!“

[illegible]

PG 3926 M353 ch.1

Maksimovich, Mikhail Aleksandrovich
Ukrainskiia narodnyia piesni

ROBARTS LIBRARY
DUE DATE
17
~~NOV - 3~~ 1986
DEC 1